

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

А

М

Е

И

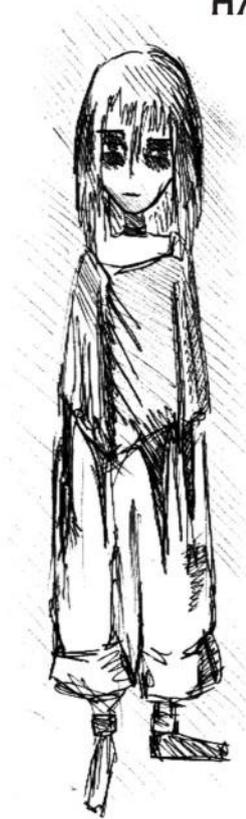
А

Итературный

льманах

арода Звезды

Вып. 16. АСФИН
АХЭ'КЪЯТТА ТИНДОМЭ
БАЛИН
БАСТЕТ

Литературный альманах Народа Звезды

ЛАДАНГАМЕНА

Вып. 16.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Асфин
Ахэ'Къятта Тиндомэ
Балин
Бастет

Ахэ'Къятта Тиндомэ
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Асфун

* * *

Даль — звёздный волшебный свет.
Даль — ветер иных планет.
Даль — небесная синь-лазурь.
Даль — эхо прошедших бурь.

Сон в дорогу зовёт меня.
Сон — ветер дальнего дня.
Сон в объятьях тишины.
Сон за день до весны.

Дар видеть и понимать.
Дар помнить, верить, знать.
Дар изведать мира пути,
В дороге себя найти.

Путь в сказку из городов.
Путь... С рассветом буду я готов.
Путь в объятья примет навсегда.
Идти вперёд — судьба.

* * *

Звезда сорвалась с небес,
Злой кометой на землю упала,
В мирный край добра и чудес, —
Значит, всё начнётся сначала.
Значит, снова будет война,
А за ней — боль и смерть, страх и ужас.
И народы сойдут с ума,
Старый мир им не будет нужен.

Новый вождь войско в бой поведёт,
Не заботясь о памяти павших.
Много тысяч людей умрёт
Прежде, чем найдётся отважный;
Тот, кто сможет остановить
Это страшное кровопролитье,
Злой кометы огонь погасить,
И не станет при этом убийцей.

И в безумье изменится мир,
Сотрясаясь в последнюю битву.
Свет и Тьма — сплетение сил,
Всё в едином заклании слито.
И столкнутся героев клинки,
И прольётся на Землю их кровь,
И услышат вдруг люди шаги —
И уйдёт из их мира любовь...

* * *

Света бледного луч...
Сердца алого кровь...
Колдовская ночь...
Прочь уходит любовь...
Сотни звёзд кружат
В хороводе теней...
Гоним мы в Закат
Наших резвых коней.

Серебром горят
Под Луной клинки.
Путь далёк в Закат,
Прочь бегут часы.
Мы летим вперёд
Вихрем на конях.
Встретил нас Восход
На пути в Закат.

И опять в пути
Ночь застала нас.
Волшебство Луны
В предрассветный час
Подарило нам
Звёздный хоровод,
Жизни полчаса...
И опять Восход...

На песке морском
След копыт коней.
Уплывает чёлн
За завесу дней.
Станный танец вод...
Нет пути назад...
Мы идём вперёд.
Путь лежит в Закат.

* * *

Серым волком да по степи,
Да на закат, да не домой.
Серому волку — путь по крови,
Путь по траве, да по земле сырой.

Свет на грани клинка,
Цокот копыт.
Степная земля
Под ногами горит.

Хочешь проснуться —
Да не сумеешь,
Хочешь вернуться —
Да не успеть.

Серым волком да по степи,
Да на закат, да не домой.
Серому волку — путь по крови,
Путь по траве, да по земле сырой.

Серебро льёт луна,
Под копытами пыль.
«Не дождётся она», —
Так нашепчет ковыль.

Хочешь вернуться,
Да травы поют —
Серого волка
В битву зовут.

Серым волком да по степи,
Да на закат, да не домой.
Серому волку — путь по крови,
Путь по траве, да по земле сырой.

Кровь стекает с клинка,
Зажётся рассвет...
Травы шепчут: «Сестра,
Его больше нет...»

Серым волком да по степи,
Да на закат, да не домой.
Серому волку — путь по крови,
Путь по траве, да по земле сырой.

* * *

Я бродяга нехоженных дорог,
Я свободен, как северный ветер.
Я не знаю забот и тревог,
Мне легко живётся на свете.
Я мечтаю найти те пути,
По которым в далёкие годы
По земле этой эльфы ушли
К Валинору, обходя невзгоды.

Я хочу пройти этот путь,
Переплыть нездешнее море.
Я хочу заглянуть на чуть-чуть
В край бессмертья, не знающий горя.
Но дороги сквозь лиги и года
Не найти, да и искать не надо:
Край бессмертных, мечта моя — Аман
Скрыт надёжно от смертного взгляда.

И мечта останется мечтой,
Яркой, доброй, радостной и вечной.
Предо мною снова мир большой,
И пути забыты в бесконечность.
Но я верю, что когда-нибудь придётся,
Через пелену прошедших лет,
Под лучами догорающего Солнца
Мне увидеть Валинора свет.

* * *

Я рассвет тебе дарю. Чистое голубое небо.
Верь мне, я тебя дождусь, где бы ты не был.
Ветер гудит в тростнике, тихо шепчет трава:
«Анде теи кори'м... Люблю тебя...»

Я день тебе дарю. Жемчуг в хрустальной чаше...
Когда мы друг друга найдём, расстаться нам станет страшно.
Полынный венок в волосах... Шумит в садах листва:
«Анде теи кори'м... Люблю тебя...»

Я закат тебе дарю. Солнце — огонь на воде...
Ты же понял — это судьба, мы узнаем друг друга везде.
Туман поднялся от реки, слышишь, поёт вода:
«Анде теи кори'м... Люблю тебя...»

Я ночь тебе дарю. Россыпи ярких звёзд.
Луна льёт своё серебро на поляну волшебных грёз.
Встретились мы с тобой, с губ слетают слова:
«Анде теи кори'м... Люблю тебя...»

* * *

(совместно с Эльдой)

Как светла эта ночь,
Как прекрасна мечта.
Королевская дочь
Прождала до утра

Рыцаря своего
С чёрной лютней в руках...
Позабудь же его,
Он ушёл навсегда.

Он уже не придёт,
Дева, больше не жди.
Сердце рвущая боль
Пусть утихнет в груди.

Он сгорел на костре —
Проклятый еретик!
И теперь лишь во сне
Видишь ты его лик...

Белый кубок в руках
Оросил пол вином,
Губы тихо твердят:
«Мы уйдём лишь вдвоём».

Чёрной лютни напев
Ты услышишь в бреду,
Повторишь нараспев:
«Милый мой, я приду!»

Стылый пепел костра,
Солнца утренний блеск...
Смерть, как будто сестра,
Руки тянет к тебе.

Но лишь радость в твоих
Отразится глазах.
Бедной матери крик...
Поцелуй в облаках...

* * *

(при участии Эльды)

Лентой реки по камням
Память моя бежит,
А за решёткой окна
Грустно звезда дрожит.

Вспыхнувшей искрой огня
Уйду в свой последний путь;
Прошу — позабудь меня,
Сейчас меня позабудь...

Смерть — всего лишь дверь,
Время — только окно.
И я вернусь, поверь,
Вернусь, когда будет темно.

И вновь белым пламенем дня
Ты осветишь мой звёздный путь,
А пока позабудь меня,
Пока меня позабудь.

Утро — открыли дверь.
Пощады не будет, не жду.
Звезда попрощалась со мной,
Сегодня на смерть я иду.

Голову гордо подняв...
Дрогнуло что-то в груди.
Забыла меня звезда
В конце моего пути...

Ах' Къямта Биндомэ

Апокалипсис

«Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падающую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны. Она отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. II из дыма вышла сафанча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы. II сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. II дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от неё подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её; пожелают умереть, но смерть убежит от них. По виду своему сафанча была подобна коням, приготовленным на войну; и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же её — как лица человеческие; и волосы у ней — как волосы у женщины, а зубы у ней были, как у львов. На ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев её — как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну; у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах её были жала; власть же её была — вредить людям пять месяцев. Царём над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Авaddon, а по-гречески Аполлион».

(Откровение Иоанна, Глава 9)

Пролог

В 2000 году люди ждали Апокалипсиса, как будто это не Конец Света, а кулёк конфет, интервью со знаменитостью.

Апокалипсис стал этой знаменитостью.

Его биография обрастала скандальными подробностями, как будто это была биография какой-то поп-дивы с крашеными волосами, накачанными губами, силиконовой грудью и скандальной репутацией.

Сколько новых сомнительных подробностей всплывало на поверхность.

Человечество с нетерпением ждало этого события, как будто Апокалипсис был шоу, дешёвой комедией в грязном кинотеатре.

II однажды они его дождались.

30 ... г. н. э.

Глава 1. Испытание огнём

*Наши матери в шлемах и латах бьются
В кровь о железную старость,
Наши дети ругаются матом,
Нас самих почти не осталось...*

День 1

«Я сижу, прислонившись к стене. Стена холодная и влажная. Я курю самокрутку. В ней план. Я курю самокрутки пачками. План, марихуана, анаша... Меня уже давно не “прёт” от “травки”. Травка — это для маленьких.

Меня зовут Даша Гаврилова. Но друзья зовут меня Акрида. Это мой Ник в “Нете”. Акрида — это вид съедобной саранчи. В этом есть своя жестокая ирония. Акрида — это то, во что я превратилась. Беспольное паразитирующее насекомое, пожирающее траву. Только акрида пожирает траву, а Akrida — “траву”.

Друзья зовут меня Акрида? Как же глупо это звучит. У меня нет друзей. Случайные знакомые в “Нете” — сколько угодно. Я живу во всемирной паутине информации. На моём худом костлявом запястье, покрытом болезненной белой кожей, болтается чёрная нитка — знак хакеров-профессионалов.

Хотя нет. Есть. Такой же, как я. Несчастливая личность несчастного тысячелетия. Я никогда не видела его, не знала его имени. Только холодный чужой ник Abaddon. Абaddon — Ангел Смерти. Каждый ник хранит за собой горы информации, которая характеризует в тысячи раз лучше любого имени...»

Ядерная Война началась в 6.02 по Московскому времени. Неизвестно, кем и путём каких инсинуаций, но равновесие между Россией и США было нарушено. В 6.02 погибли первые люди. В 6.02 первая ядерная бомба, прорезав небо, упала на Санкт-Петербург. В 6.02 первый металлический корпус столкнулся с домами. Первая взрывная волна с головой накрыла огромное население огромного мегаполиса. Первая волна излучения была выброшена в пространство. В 6.02 был начат необратимый процесс.

Даже из Москвы был виден огромный грибок, разросшийся на месте «второй столицы».

Затем начались ответные удары.

Скоро уже весь мир подключилось к борьбе Востока и Запада. Биполярный мир столкнулся, с хрустом разрывая последние остатки жизни.

«В 6.02 начались первые ядерные бомбардировки. В 6.02 я сидела за компьютером в “Нете” и писала ответ Абaddonу в тот момент, когда по всем E-mail-ам разнеслись одинаковые штампованные сообщения о начале Ядерной Войны между Россией и США.

Но за секунду до этого я увидела в окно своей комнаты грибок на северо-западе. За секунду до того, как спокойный голос без выражения произнёс:

“На ваш почтовый ящик пришло новое сообщение”.

За секунду до этого небо раскрасилось красно-фиолетовым, и огромный грибок поднялся в небо. За секунду...»

Люди умирали в собственных домах, не успевая понять, что происходит. Люди не успевали даже закричать, когда падали под действием нейтронных бомб.

Нейтронная бомба — это, быть может, самое изощрённое орудие массового поражения. Здания остаются нетронутыми, как будто в них всё ещё есть жизнь. Город, кажется, совсем не меняется, но... Колоссальная волна радиации захлестывает огромную территорию, заставляя за несколько секунд погибнуть все биологические виды в сфере своего действия.

Ритуальное песнопение сплеталось с мыслями, впиваясь в них, зарождающаяся, взрослая и умирающая в человеческом сознании. Верх становился низом, удовольствие — болью, тьма — светом, рабство — свободой, безумие — здра-

вым смыслом. Быть может, сам смысл ритуала состоял в том, чтобы перевернуть наизнанку всё мироздание, понять, что ничего нет в мире постоянного, совершенного, что смысл — динамика.

Messe Noir — «Чёрная Месса», классический сатанинский ритуал.

У алтаря стояла высокая рыжеволосая женщина с красивым порочным ртом и глазами, в которых светилась глубокая фанатичность.

Роль алтаря по традиции представляла ещё одна женщина. Она лежала обнажённой на каменном возвышении и держала в каждой руке по чёрной свече, сделанной из жира некрещёных младенцев. На её животе покоилась чаша с кровью путаны.

Над алтарём висело перевёрнутое распятие. Жрица читала задом наперёд христианские молитвы, щедро пересыпая их ругательствами и периодически сплёвывая на распятие.

У её ног ещё шесть человек уже дошли до того состояния, которому служила Messe Noir...

Ровно в 6.02 раздался толчок, грохот. Потолок над их головами задрожал, первые камни осыпались вниз.

Жрица выгнулась и испустила гортанный крик, перешедший в душераздирающий фанатичный смех:

— Это знак, братья! Люцифер откликнулся на наши молитвы! Он поведёт вперёд тех, кто осмелился скинуть с себя мантии праведности! Стоя пред вратами Ада, вызываю Люцифера, дабы восстал он и возвестил равновесие и правду вопреки слову, отяжелевшему бременем священной лжи! REGE SATANAS! AVE SATANAS! ДА ЗДРАВСТВУЕТ САТАНА!

Потолок обрушился на них, погребая под своей тяжестью цели и желания секты сатанистов, нашедших приют в одном из подвалов на окраине Санкт-Петербурга...

«Я сижу, прислонившись к стене. Она всё такая же мокрая и холодная. Вчера на моё письмо не ответила Lilith. Она жила в Санкт-Петербурге.»

Я смотрю в монитор на столе. Мои руки беспомощно лежат на клавишах. Мне холодно. И душно. У меня кончился “демон Герман”.

*...Вот открытие девяностых,
Подростков давно уже не цепляет план.
Бог сменяет стакан,
Открывая в рай мостик.
Христа на кресте заменил “демон Герман”.
Многоточие из фан
По рукам татуировками.
Количество отметин зависит от качества.
Иголками сегодня не только шьют обновки,
На этой почве братство превратилось в предательство...
Скоро начнётся ломка».*

А небо рассекали бесконечные снаряды. Человечество будто сошло с ума. Все позитивные лозунги расплозились в клочья, как туман, рассекаемый всё новыми боеголовками. А на земле росли всё новые «грибы», как грибы в лесу после дождя.

Глава 2. Ядерная зима

И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырёх животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нём дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нём всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырёх животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай. И когда Он снял четвёртую печать, я слышал голос четвёртого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвёртой частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

(Откровение Иоанна, Глава 6)

День 2

Младенец плакал в своей колыбельке. Он хотел есть. Ему было холодно. Он не знал, что ему уже не суждено этого сделать, что ему уже не суждено жить.

Собравшаяся уже открывать глаза мать поёжилась от внезапного холода и снова их закрыла.

Младенец закричал. Ему было холодно. Очень холодно. Когда ему холодно, он кричит, и его заворачивают во что-то и ему становится тепло. Но сегодня этого не последовало. Он беспомощно захлопал покрытыми инеем ресничками. Ему хотелось спать.

Младенец зевнул и, трогательно свернувшись, уснул.

Уснул, чтобы уже никогда не проснуться.

«Мне холодно. Мне очень холодно. Мне очень-очень-очень холодно. Холодно холодно холоднохолоднохолоднохолодно...»

Утром треть населения земного шара не проснулась, замёрзнув в своих собственных постелях. А те, что проснулись, не увидели утра.

Они увидели только темноту и затянутое багровыми облаками небо.

За ночь гигантские массивы химических испарений, выброшенных в воздух, затянули небо, закрыв дорогу солнечным лучам. Темнота, ещё недавно блуждавшая в людских рассудках, вырвалась на свободу и растекалась в беззащитном воздухе. Температура буквально за несколько часов упала до катастрофически низкой отметки.

«Мне холодно. Мне холодно...»

Пальцы, безвольно лежащие на клавиатуре, покрылись тонкой, еле заметной корочкой инея. Чёрная верёвка на запястье тоже заледенела. Я пошевелила пальцами. Раздался еле слышный хруст треснувшей корки.

“На ваш почтовый ящик пришло новое сообщение”.

Я щёлкнула клавишей и вскрыла письмо».

Акрида! Акрида! Ты где? Что с тобой?! Ответь! Я могу подумать, что ты тоже мертва!

Я жива, Абаддон.

Почему ты не отвечала!

Мне холодно...

Иней покрыл траву. Он сковал только распутившиеся цветы на окнах. Он сковал в свои ледяные объятия капающую воду. Вся планета неожиданно поняла, что они больше не слышат звук падающей воды.

Акрида! Нет молчи! Что случилось!!!

Мне холодно, Абаддон. Я хочу спать...

Стой! Не смей спать! НЕ СМЕЙ! Где ты живёшь?

В Москве.

Я тоже! Подробнее! Не смей спать!

...

О Боже!

Что случилось, Абаддон?

Я живу за стенкой. Слева от твоей квартиры...

Ядерная Зима сковала цветы на могилах. Сколько их было? За два дня погибла почти половина населения Земли.

«Серебряный лёд. Я с каким-то отстранением рассматривала свою замёрзшую прядь волос. Она стала жёсткая, как сосулька.

Когда-то, когда я ещё не пристрастилась к наркотикам, у меня были длинные, густые волосы. Они были похожи на шёлк. Но сейчас они выпадали, секлись. II последнее испытание — лёд. Я рассматривала этот лёд.

Он тихо звенел.

Смеялся надо мной».

Акрида! Не спи! Не смей спать! Пиши хоть что-нибудь!

Мне холодно...

Акрида! Подожди! Я сейчас приду!

Мне холодно...

Я достану дозу! Подожди. Только подожди!..

«Я сижу, прислонившись к стене. Но я не чувствую, какая она.

Абаддон принёс мне “герман” примерно через час. И сам вколол. Я не смогла. Тряслись руки.

Я сижу, прислонившись к стене. И смотрю на свои руки. Они покрыты изощрёнными узорами отметин от шприца.

Я сижу, прислонившись к стене. И смотрю на Абаддона. Как же это глупо. Он такой же, как я. Несчастный и жалкий. Но не наркоман. На таком же белом, как у меня, запястье болтается такая же чёрная нитка.

Я сижу, прислонившись к стене. И постепенно погружаюсь в героиновые грёзы.

Меня уже нет. Меня никогда не было. Меня никогда не будет. Погружаясь в серые навязчивые галлюцинации, я успела поймать себя на том, что меня уже нет.

Мою незащищённую шею обвивает чёрная верёвка. Она сворачивается кольцами, превращаясь в змею. Четыре всадника наступают одинокую фигуру. Кто? Когда? Сейчас. Почему мне всегда снятся четыре всадника Апокалипсиса? Почему мне страшно? Почему я никогда не могу убежать? Почему мне так холодно, когда четвёртый всадник наступает меня...».

Глава 3. Чёрная смерть

День 3

Он проснулся, как всегда, рано утром. За окном стояла непроглядная мгла. Он поворочался на тёплых ото сна простынях и нащупал руку жены. Тёплую, доверчивую руку. Жена...

Неужели только вчера они обменялись кольцами. Он до безумия любил её. Маленькую, доверчивую, наивную, немного смешную. В складках простыней запутались обрывки сновидений.

Он подошёл к окну и смотрел на грязное небо, закрытое густой вязкой пеленой.

Пора вставать.

Он подошёл к жене и легонько потряс её за плечо. Плечо, единственная часть тела, выглядывающая из под толстого пухового одеяла, было холодным, как лёд. Это поселило в его душе первые признаки беспокойства.

Он откинул одеяло и закричал...

На третий день после начала Ядерной Войны на землю, измученную катастрофами, обрушилась новая напасть. Эпидемия Чумы. Никто не знал, почему, но эпидемия передавалась и развивалась в человеческом организме со страшной скоростью. От заражения до появления вместо положенных дней проходили считанные часы. Уже холодным утром многие люди не встали со своих кроватей. Болезнь захватила их, не успевших ничего понять, вырвала из сновидений, что бы заново погрузить в сон. Уже навсегда.

«Мне страшно».

Ещё больше умирали. Каждый час. Каждую минуту.

Абаддон! Ответь!

Да, Акрида?

Абаддон, почему ты не открываешь мне дверь? Я ведь знаю, ты дома!

Не надо приходить ко мне.

Почему? Что случилось?

Я болен, Акрида. Чумой...

Каждую секунду умирали самые дорогие для кого-то люди. Это было страшно.

«Мне страшно. Мне катастрофически, ужасно страшно.

Иногда мне кажется, что лучше бы меня никогда не было. Если тебя нет, тебе не может быть страшно. И больно.

Жизнь... А смысл? В чём смысл жизни? Зачем жить, если жизнь это сплошное сплетение боли и страха?»

Абаддон! Абаддон! Ответь!

Акрида?

Открой дверь!

Нет. Я не могу подвергать тебя такой опасности.

Ты не можешь умирать в одиночестве!!!

Я не один. Ты со мной...

«Мы умирали под огнём ядерных боеголовок, мы замерзали в собственных кроватях, мы покрывались уродливым чёрными бубонами и заражали других. Мы слишком много совершили в прошлом, чтобы нас ждало ещё что-то в будущем».

Абаддон! Открой!

Нет. Мне и так тяжело...

Абаддон!

Нет ответа.

Абаддон! Абаддон! Скажи хоть что-то!

Нет ответа.

Абаддон!!!

Прости меня...

«Я дотронулась до стены. До той, за которой, я знала, стоял компьютер Абаддона. И мне почему-то показалось, что там, за холодной перегородкой, разделяющей нас, он сделал то же самое».

Где ты, звезда моя?

Ночь облаками закрыло.

Снег окровавленный,

Тёмные камни могилы.

*Одинокaя лютня в снегу,
Она плачет, звенит под дождём,
Она так же, как я, без конца
Тебя ждёт в полуночном лесу.*

*Я дотронуся до струн этой лютни.
Её гриф к моим пальцам прильнёт.
Она помнит тебя, она плачет,
Она слёзы роняет на снег.*

Прости меня...

Глава 4. Испытание землёй

Благословенны сильные, ибо будут они вершить судьбу мира. Прокляты слабые, ибо наследство им — ярмо!

Благословенны могущественные, и да почитаемы будут среди людей. Прокляты немощные, и да стёрты будут с лица земли!

Благословенны смелые, и да пребудут они властелинами мира. Прокляты праведно скромные, и да растоптаны они будут раздвоенными копытами!

Благословенны победители, ибо победа — основа права. Прокляты покорившиеся, ибо будут они вассалами навек!

Благословенна железная рука, и пусть непокорные бегут от неё. Прокляты слабые духом, и да будут оплёваны они!

Благословенны презревшие смерть, и да будут дни их долги на земле. Прокляты те, кто упоает на богатую жизнь по ту сторону могилы, и да сгинут они среди многих!

Благословенны разрушители лженадежд, ибо они есть настоящие Мессии, Прокляты богопочитатели, и да будут стрижены, как овцы!

Благословенны доблестные, ибо им в награду — великие сокровища. Прокляты уверовавшие в добро и зло, ибо пугаемы они тенями!

Благословенны верующие в своё благо, и да никогда в разум их не вселится страх. Прокляты «агнцы господни», ибо будут обескровлены они белее снега!

Благословен имеющий врагов, и да сделают они его героем. Проклят творящий добро тем, кто скалится в ответ ему, ибо будет он презрен!

Благословенны великие разумом, ибо оседлают они вихри. Прокляты те, кто учит, что ложь есть правда и правда есть ложь, ибо отвратны они.

Трижды прокляты слабые, чья небезопасность делает их опасными и дано будет им служить и страдать!

Ангел самообмана утвердился в душах «праведных». Вечный огонь силы через радость обитает во плоти Сатаниста!

(Книга Сатаны, Глава V)

День 4

Комната была тёмной и непонятной. Чёрный пол, чёрный потолок, чёрные стены, тяжёлые чёрные шторы на окнах. На стенах прикреплены факелы, которые заливают помещение дьявольским красным огнём.

Но ещё более странными, чем комната, были события, которые в ней происходили.

Юноша был совсем молод. На худом, белом лице выделялись глаза. Глаза были большие и чёрные, как самый страшный грех.

Как жалкое, роковое отражение этих глаз на красивом лице, расплывались уродливые чёрные бубоны. Он ещё не умер от чумы. Ещё...

На нём был чёрный балахон, чёрный, как глаза, как стены, как ночь.

Юноша очертил вокруг себя бронзовым ятаганом с эбонитовой ручкой Круг призыва. Он трижды обошёл Круг, повернувшись лицом к Югу, и стал нараспев читать заклинание, открывающее врата:

— О Ты, живущий во тьме пустоты Запределия, явись же на Землю вновь, заклинаю тебя. О Ты, обитающий за Чертогами Времени, внемли мольбе моей. О Ты, чья сущность — врата и путь, явись же, явись, слуга Твой взывает к Тебе! БЕНАТИР! КАРАРКУ! ДЕДУШ! ЙОГ-СОТОТ! прииди! прииди! Я называю слова, я разбиваю оковы Твои, отверста печать, проиди же чрез Врата и вступи в Мир, я сотворю могущественный знак Твой!

Юноша начертил на полу пятиконечную звезду, взятую в круг — пентаграмму Огня — и перешёл к заклинанию, которое позволит Великому явится перед Вратами:

— Зивесо, векато, кеосо, Хуневе-руром Хевератор, Менхатоджи, Зиветоросто зуджи, Зурурогуш Йог-Сотот! Орари Исгевог, хомор атанатос ниве зумкуруш, Исечироросет Хонезебетуш Азатот! Хоно, Зувезет, Куджихет кекос исгебот Ньярлатхотеп! Зуджи румоджи кано дузи хевератор, Ишето, Тхиджим, каове хевератор пхе нагу, Хастур! Хагатовуш джачируш Габуш Шуб-Ниггурат! Мевет, хосоджи Узевот! ТАЛУБШИ! АДУЛЯЛЬ! УЛЮ! БАЧЧУР! Прииди, Йог-Сотот! Прииди!

Примерно с середины его речи пол стал подрагивать, затем мелкое, еле заметное дрожание перешло в яростную дрожь.

Человек ликовал. Ритуал, который он столько лет пробовал совершить, наконец удался. Теперь он будет править. Он раздавит, разотрёт всех тех, кто столько лет над ним насмеялся. Он поставит весь мир на колени.

Человек ликовал.

Даже когда у него под ногами разверзлась огромная трещина, человек ликовал. Даже когда он свалился в эту бездну, он ликовал.

Человек ликовал.

До тех пор, пока стремительно летящие навстречу камни не оборвали его жизнь...

Время шло, и оно не несло ничего хорошего для человечества. После Огня, Холода и Чумы настала очередь Земли для мести человечеству. Остатки того, что раньше гордо именовалось людьми, регистрировали случаи жесточайших землетрясений.

Люди умирали, запертые в собственных домах, когда под ними начинал крошиться пол, когда их поглощала земля, та, из которой все они вышли.

Она, проливая слёзы, убивала своих непутёвых детей, потому что никто не сделает это мягче и милосердней Матери Земли.

«На часах появилась отметка 00.07, и я не выдержала. Я бросаюсь к окну и, открыв его, вспрыгиваю на подоконник. Голова кружится от обилия этажей внизу. Десятки. Сотни. Я медленно иду по карнизу. Я выбиваю стекло в комнате Абаддона, и порыв ветра сам забрасывает меня внутрь.

Абаддон сидит на офисном стуле и, не мигая, смотрит на экран монитора. Ставшее таким дорогим за последние часы лицо слишком бледное. Из-под ворота чёрной рубашки видно мерзкое чёрное пятно.

Абаддон поворачивается на звук бьющегося стекла.

Мне сложно смотреть ему в глаза. Они смотрят осуждающе.

Что ты здесь делаешь, девочка? Я же просил...

Абаддон умер у меня на руках. Его глаза остекленели. Его тело стало пустым и лёгким. Весь мир вокруг меня раскалывался на части, но мне было уже всё равно.

Я осталась одна...»

Глава 5. Гнев небес

День 5

«Сегодня пошёл дождь. Дождь... Я бесконечно пробую это слово на вкус, произношу его вновь и вновь.

Дождь грязный и горький. Он пьянит не хуже дилаудида. Дождь...

Люди вышли на улицу, не опасаясь Чумы. Они, как дети, кружились под дождём, находя облегчение в его горьких, как сама жизнь, каплях».

Когда люди поняли, что это не конец, было уже поздно. Когда люди поняли, что это очередное испытание, было уже поздно.

На землю обрушилось множество небольших, но ужасающе сильных ступков энергии. Они проламывали стены, как картон, как бумагу. Шаровые молнии — было название для нового испытания.

И вновь огонь поглотил землю. Люди умирали. Кто-то быстро, вмиг расплавленный огромной взрывной волной, а кто-то медленно и мучительно, жестоко пожираемый пламенем и вынужденный навеки остаться в своих домах, от которых уже ничего не осталось. Пламя плавало даже кости.

По всей планете были слышны крики умирающих людей, которые сливались в один вой, ещё четыре дня назад потерявший свою человечность...

«Огонь, везде огонь! Мне страшно! Мне жарко! Рядом нет даже Абаддона. Я одна.

Одна...»

Абаддон, Абаддон... Поздно уже кричать: «Ответь!». Ты уже не ответишь. Ты уже никогда не ответишь. Никогда...

*Любовь была прекрасна, как и ты,
И вот — разбиты все мои мечты.
И вновь из-за неё скрещаются мечи.
Я знаю, что ты скажешь, Помолчи!
Ты можешь мне не говорить,
Что сердце нелегко разбить.
Не надо врать, не надо лжи,
Попробуй правду покажи.*

*Разбить любой можно сердце,
Зачем тебе быть с кем-то вместе.
Чем доверять кому-то вены,
Лучше смотреть на мир сквозь стены.
И сколько душ, вот так убитых,
Сколько сердец, навек разбитых.
Мы умираем без надежды
Из той могилы выйти снежной.*

*Как глупый мотылёк на свет,
Летим мы много, много лет
На её огненное пламя,
На звёздами покрытый крест.
Не лучше ль со скалою слиться,
И там, где клад её хранится,
Блеск сердца ото всех сокрыть
И дверь к душе навек закрыть.*

*Себя ведь легче обмануть
И на гробу души уснуть.
Истерзанное тело бросить.
Снег с головы уставшей сбросить.
Я отрекаюсь от любви.
Она играет только в чувства.
Я не пожертвую крови
На её злобное искусство.*

«Я сижу, прислонившись к стене...»

Глава 6. Очищение

День 6

«А дождь всё идёт. Он стучит по стёклам. Но почему мне становится страшно? Почему мне кажется, что его песня — погребальная...»

Дождь постепенно превращался в ливень. Он смывал с уставшей земли налёт пепла, боли и страха. Реки вышли из берегов и заливали поля. А люди радовались.

Они выходили на улицу и улыбались сквозь слёзы.

По какой-то неведомой причине затянувшие небо после Ядерной Войны тучи рассеялись.

Люди снимали одежду, наслаждаясь ощущением тепла. Первые лучи солнца осветили землю, истерзанную людьми. На месте высочайших небоскрёбов, на месте огромных мегаполисов, на месте асфальтированных дорог, из-под пепла и крови проросла трава, распускались цветы. Леса и долины порастали с феноменальной скоростью.

Люди вышли на улицы и вдыхали полузабытый аромат цветов.

«Цветы. Я так давно не видела цветов. А ты, Абаддон? Ты их уже никогда не увидишь. Может, это правда, что говорят служители церкви. Может быть, ты сейчас сверху смотришь на меня и тоже счастлив.»

«Скоро я тоже окажусь там. Сегодня утром я нашла на теле первые признаки чумы. Но почему мне страшно? Не знаешь? Почему мне кажется, что я не умру от чумы. Что я не успею?...»

Люди не сразу поняли, что это не рай. Что аромат у цветов щемящий, горький. Что это прощание.

Что так Земля прощается со своими непутёвыми детьми. Что это последний подарок, который она сделает нам, чтобы не так горько было умирать.

Люди поняли это только, когда вода достигла щиколоток. С каждым часом она всё поднималась и поднималась. Люди поняли это. В их мозг, наконец, закралась лёгким туманом пугающая мысль: Никто не выживет.

«Вода, вода... Везде вода. Она прибывает. Она захлёстывает этот мир. Откуда вдруг взялось столько воды.»

«Я сижу, прислонившись к стене.»

Вода подбиралась к людям, осторожно, как змея. Она заглатывала их, наполняла их лёгкие, приносила облегчение и смерть. И это было страшно. И это было красиво.

«Я сижу на крыше. Вокруг, на соседних домах, толпятся люди, пытаюсь отсрочить свою смерть, но мне уже всё равно. У меня на коленях покоится голова Абаддона. Мёртвого. Мне уже всё равно. Меня уже не трогает смерть. Мне не нужна эта жизнь.

Мне холодно. Но совсем не страшно.

Странно. Вода уже подбирается к крыше стоэтажных зданий. Откуда взялось столько воды?

Одна из женщин не выдерживает и кидается в воду. Мне уже всё равно.

Сколько надо сделать плохого, чтобы так разозлить природу. Может, так и лучше. Мы паразиты. Наша жизнь, смысл нашей жизни, в разрушении».

Люди не выдерживали. Они сами кидались в спасительную прохладу воды. Они находили покой в её мягкой, податливой глубине.

«Я одна. Нет. Ещё Абаддон. Рядом.

*Те слёзы, что слепят меня сегодня,
Я придержу, чтоб выплакать потом.
Ступая твёрдо по скрипучим сходням,
Я провожу тебя в твой новый дом.
Мой голос, как учил ты, будет ясен.
Рыданью не позволю я прервать
Мелодию. Она сама угаснет —
Не раньше, чем закончатся слова.
Мне не найти убежища от горя
И не сглотнуть застрявший в горле ком.
Ты нынче воедино слился с морем...
Но я заплачу не сейчас. Потом.*

А потом уже не будет. И слёз тоже. А над чем плакать? Над нашими жизнями. Нет. За них надо радоваться. Мы окончим наше существование. Сегодня. Мы не сможем больше уродовать жизнь. Мы не сможем сделать хуже, чем было.

Я знаю, что через несколько минут вода покроет мои щиколотки, затем она прикроет колени, бедра, доберётся до пояса.

Я знаю, что потом вода доберётся до моего подбородка, прикроет губы.

Я знаю, что через час я умру.

Нас не спас Бог.

Нас не спас Сатана.

Нас не спас Йог-Сотот.

Мы сами не смогли себя спасти.

Мы умерли...

Описания религиозных обрядов написаны на основе:

Антон Шандор ЛаВей, «Сатанинская библия»;

Абдулла Альхазред, «Некрономикон», Дамаск, 730 г.

Ищите спасение в музыке

Прогресс никогда не стоит на месте. Человечество с упорством, достойным лучшего применения, всю свою жизнь шло по этому принципу. Менялось всё.

Менялось и искусство. И только священнослужители всё толковали что-то про смертные грехи.

И мы шли вперёд. Всё дальше и дальше. Ещё не зная, куда заведёт эта дорога.

Искусство тоже не стояло на месте. Как в хрониках, проносились стили и направления.

А мы всё шли вперёд.

Шли, шли, шли...

Звучит почти как «кап... кап... кап...»

Вода падала, а мы всё шли вперёд со своим прогрессом.

А художники всё так же писали холсты, композиторы садились за инструмент, танцоры танцевали, балетмейстеры творили движение...

А человечество всё шло вперёд. И однажды оно дошло...

Дошло до второй мировой войны...

Дошло до ядерного оружия...

Дошло до Хиросимы и Нагасаки...

Дошло до первого грибка в небе...

Дошло до двадцати миллионов жертв только со стороны России...

Дошло до ужаса ядерных бомбардировок, ужаса блокад, ужаса голода...

Дошло до тоненького ломтя хлеба: 125 граммов в день.

Дошло до того, что хлеб стоил столько же, сколько фортепиано, за которое раньше садился пианист...

Дошло до Дороги Жизни и ужаса таяния льда на ней...

Дошло до биохимических исследований немцев...

Дошло до тоненьких лайковых перчаток на руках немецких фрау. Перчаток, сшитых из нежной кожи женщин...

Дошло до крови. Крови, влитой в немецких госпиталях немецким солдатам. Крови, выкачанной из младенцев...

Дошло до тонких, полупрозрачных теней: Детей, выживших в годы блокады...

Дошло до страха смерти, детских кошмаров...

...20 000 000...

Странная цифра. Представить себе всех этих людей одного за другим... не хватит жизни... А они свои жизни отдали за нас...

А потом вдруг всё это закончилось...

И началась новая жизнь. Страшная. Полная воспоминаний. Полная надежды. Улыбок сквозь слёзы.

ПОБЕДА!!!

Мне трудно писать об этом. Я не видела этого. Но война — это страшно.

И вновь художник начал писать холст, композитор сел за инструмент...

Только всем хотелось вернуть что-то старое, забытое за тяжёлыми шагами прогресса, чистое, незамутнённое ужасами войны. И люди вернулись к классике... неоклассицизм расцвёл на радиоактивной послевоенной почве...

Ужас войны был таким осязаемым, что всё последующее послевоенное поколение мира боролось против ядерного оружия, порождая хиппи, рок, андеграунд...

И снова музыка. В ней искали утешения. Она была спасением, утешением, призывом...

А человечество всё идёт. Гулко отдаются тяжёлые шаги прогресса в тишине времени... Странно. И когда-нибудь мы снова дойдём до новой войны. И снова будет весь этот ужас, страх...

И снова будет музыка. Утешение, спасение, призыв...

И снова композитор сядет за инструмент...

И люди снова потянутся к чему-то старому, забытому, чистому...

И найдут там своё спасение от ужаса...

Ищите спасение в музыке.

Она не может предать. Она всегда рядом. Она может спасти от самоубийства и толкнуть к нему.

Ищите спасение в музыке...

Луна в глазах

Она была сиротой. Маленькой, худенькой, некрасивой. Слишком узкое лицо, с большущими глазами на нём. Резкие черты лица. Глаза у неё были странные. Зелёные-зелёные, тёплого зелёного цвета, отливающие жёлтым. И волосы у девочки были очень-очень красивыми. Длинными, огненно-рыжими, как пламя, на ощупь волосы были мягкими, шёлковыми.

Когда девочка была маленькой, то часто улыбалась. Но дети не любили её, потому что девочка была некрасивая. Они не хотели с нею играть, обзывали её обидными прозвищами, кидали в неё камнями. А девочка была сиротой, и некому было её защитить, некому было объяснить ей, что внешность — не главное, что внешность — это оболочка, что со временем она тускнеет. Некому было объяснить ей, что главное — душа, что именно она остаётся с человеком навсегда.

Время шло. Девочка росла, а её некрасивость становилась всё заметнее. Её кожа не была смуглой, как у всех детей. Она была светлой, землистой, с желтоватым, нездоровым оттенком и совсем не отзывалась на лучи солнца. Девочка решила не обращать на насмешки внимание. Но в душе затаила обиду. И даже когда дети выросли и стали относиться к ней лучше, она не была ничего.

А время шло. Девочка стала девушкой. Она была трудолюбива, рассчитывала только на себя, потому что больше рассчитывать было не на кого. Она была вышивальщицей, и не видывали люди во всём селе лучшей работы. Девушки относились к ней с превосходством из-за её внешности, улыбались лживыми улыбками, а за спиной смеялись.

А по деревне стали расползаться слухи об оборотне, который объявился в лесу. Будто человек это, но каждое полнолуние превращается он в волка и охотится на людей или коров и другой скот уводит. Говорили, будто волк тот огромный, страшный, и когти его страшны, и клыки у него длинные, жуткие, и слюна с них капает, и не слюна то, а яд. И глаза у него полыхают дьявольским пламенем, и воет он каждое полнолуние на луну, и кто вой тот услышит, забыть уж никогда в жизни не сможет.

А время всё шло. И однажды девица влюбилась. Но возлюбленный и не смотрел на неё. И ещё сильней возненавидела она свою внешность.

И тогда пошла девица к ведьмаку*, который жил на краю посёлка. Со страхом зашла она в тёмную избушку. Вокруг клубился лёгкий пар, пахло травами. Какие-то были знакомы девушке, какие-то нет. И были у ведьмака волосы чёрные, как крыло ворона с сединой раннею, и глаза страшные, жёлтые, как глаза зверя лютого.

Сказала девушка про приворотное зелье, и спросил у неё ведьмак, что она отдаст ему за это зелье.

«У меня ничего нет!» — сказала девушка.

А ведьмак только осмотрел её с головы до ног.

* **Ведмак** — ведьма мужского рода, не путать с ведьмаками Сапковского. (Прим. автора.)

«У тебя есть твои волосы. Если ты готова отдать за зелье свои волосы, я сварю его тебе».

Девушка, не колеблясь, согласилась. И сказал ей ведьмак, что готово зелье будет к полнолунию, и чтоб тогда она и приходила.

И когда явилась девушка снова к ведьмаку, была луна в зените. Зелье было уже готово. И взял ведьмак ножницы серебряные и обрезал девушке волосы. И упали они бронзой на пол избышки. И отдал ведьмак девушке зелье. А зелье то было необычное. Не нужно было девушке возлюбленного им опьянать. Самой надо было ей зелье выпить, его представляя. Несколько раз повторил то ведьмак девушке, чтобы не перепутала она чего, а то беде быть.

И вернулась девушка в дом свой. Приготовилась она, лучшее платье надела, потому как был это для неё день важный. Вышла девушка во двор, села на скамеечку. А луна смотрит на неё своим белым глазом, усмехается. И нехорошее предчувствие охватило её. Но всё ж взяла девушка зелье и стала пить его. Только вот любимого никак представить не могла, а перед глазами у неё ведьмак тот стоял, что зелье ей варил. Испугалась девушка, откинула чашу с зельем. А зелье пролилось на землю и впиталось в неё так быстро, что сказать ничего она не успела. И услышала девица, волчий вой в лесу раздался. И охватила её тоска необъяснимая. И тянет всё в лес её, как будто кто за верёвку ведёт, как телёнка послушного. И сопротивляется девица, а тоска всё сильнее. И побежала она в лес шибче лани, только ноги мелькают.

И смотрит, глубоко она уже в лес зашла. И страшно ей. И лес вокруг тёмный, жуткий, и тени ей всякие мерещатся.

И видит глаза в темноте, жёлтые, звериные. И вышел на поляну ведьмак тот, что зелье ей варил.

«Что ж ты, девица, — говорит, — меня-то не послушалась. Что ж ты меня-то, когда пила, вспоминала. Быть беде. Не будет теперь тебе покоя ни ночью, ни днём».

А девица тут и разозлилась.

«Да был ли покой в моём сердце когда, — закричала. — Да знала ли я его!»

И спрашивает ведьмак неожиданно:

«А хочешь ли, девица, ты жизни иной? Где никто не посмотрит на твоё лицо. Где будет важна только твоя стойкость и сила».

Невесело усмехнулась девица.

«А есть ли такая, ведьмак?»

«Есть, девица».

«Покажи, — говорит, — мне эту жизнь, ведьмак, коли не врешь!»

И тут ведьмак зарычал, и стал он в волка превращаться на глазах у девицы. Испугалась девица, закричать хотела, но поздно было уже. Прыгнул волк на неё и на землю повалил.

И вцепился волк в шею ей клыками своими белыми. И потемнело в глазах у девицы. Всё, думает, смерть идёт за ней.

Но очнулась вдруг девица на той же поляне. Шея была нетронута. Подумала было девица, что кошмар ей ночной приснился, но волк тот, ведьмак, рядом сидел. И тоска в душе всё сильнее.

И завывала девица на луну для самой себя неожиданно. И изменяться стала. Вытянулась, шерстью покрылась и смотрит, а в глазах у ведьмака не девица отражается, а волчица страшная, с глазами зелёными, да шерстью рыжей. Смотрит, а клыки у неё теперь есть длинные и когти острые.

«Вот видишь, девица, — сказал ей волк. — Здесь имеет значения только сила твоя и воля».

И говорили люди, будто с тех пор в лесу этом ещё один оборотень объявился, волчица рыжая.

А девица смотрела на небо, и в глазах её отражалась луна...

Мы потерялись между строк...

*Мы потерялись между строк,
Рассыпав мысли по столу
И между строчек, как в бреду,
Пытаясь подвести итог.
Мы умираем без конца,
Мы не боимся здесь смертей,
Нам ночью снится звон мечей,
Проклятье мёртвого отца.
Мы обрываем, не начав,
Быть может, даже жизнь героя,
И, может, тысячи историй
Мы убиваем в этот час.
Нам не страшна проклятий сеть,
Мы их сплетаем для других.
И, недостойных пощадив,
Немое заставляем петь.
Ну, а итог, каков итог?
Гофа исписанной бумаги.
Я не пойму, что стало с нами.
Мы затерялись между строк...*

Бумага, ручка, бумага....

Бумага...

Бумага...

Бумага...

Буквы сплетаются в слова, ты уже не понимаешь, какие.

Бумага...

Ручка...

Бумага...

Весь мир сфокусировался на одном тонком хрупком листке. Ты не видишь, что ты пишешь. Ты знаешь, это важно. Ты знаешь, от этого зависит нечто более важное, чем жизнь.

Его жизнь.

Когда тебе первый раз пришла в голову шальная мысль написать?..

Бумага...

Бумага...

Когда ты первый раз увидела его во сне?

Когда ты написала первую строчку, с каждой буквой всё больше затягиваясь в эту изощённую, если не сказать извращённую, ловушку.

Когда ты первый раз поняла, что больше не можешь без него жить?

Когда ты поняла, что влюбилась?

Влюбилась горячо и страстно.

Бумага...

Бумага...

Когда ты, наконец, осознала, что это перестало быть для тебя просто книгой?

Бумага...

Ты выводилась ручкой бесконечные слова. Почему знакомые буквы приобретают совсем новое звучание, новый смысл.

Бумага...

Бумага...

Она стала молчаливой свидетельницей ваших вечных свиданий, она хранила отголосок твоего тепла, твоих чувств.

Она ревновала тебя к простыням, которые поймали в свои сети обрывки твоих снов.

Бумага...

«Ярко светило солнце. Он стоял в тени, прикрывая глаза рукой. Тёмно-серый плащ ласковой пеленой скрывал его от людских взглядов. Он двигался с грацией хищника. Рыжие, как огонь самой Преисподней, волосы, белая кожа, не тронутая загаром, и глаза... Чёрные, глубокие, они как будто поглощали свет, они впитывали его. Они ловили свет, как дети ловят бабочек. Люди слишком поздно понимали, что это глаза хищника. К тому времени они уже путались в них, как в паутине. Они были уже пойманы».

Ты помнишь, как долго ты придумывала, как описать его глаза? Ты помнишь, как ты придумывала эпитеты?

Может, именно тогда ты впервые заглянула в эти глаза? И тогда они поймали тебя, скрутили в паутине бликов, и принялись впитывать последние остатки жизни.

«Он двигался вдоль стены, изредка хитрым взглядом поглядывая на прохожих. Он легко читал в их походке, жестах их самые потайные мысли, то, в чём они боялись признаться себе сами. Ему нравилось считать людей, как раскрытую книгу. Он умел пользоваться своим знанием».

Когда ты впервые начала писать? Ты помнишь? Он был одним из многих. Ты помнишь, когда он вдруг стал особенным, единственным?

«Он открыл дверь в таверну лёгким движением изящной руки с длинными красивыми пальцами, которые могли с одинаковой лёгкостью ласкать женщин и убивать. Все присутствующие мужчины опустили глаза, с горечью вспоминая, как за несколько часов проиграли ему все деньги, а женщины зарделись, вспоминая или предвкушая горячие страстные ночи, наполненные лёгкими, как касание мотыльков, вздохами и шелестом frostyней».

Он ослепительно улыбнулся яркой красоте в углу. Сегодня ночью он утолит голод мимолётной связью и отправится дальше, чтобы на следующий день найти другую яркую бабочку и вновь уйти».

Почему ты стала писать об этом? Наверное, тебе казалось, что раз он идёт от женщины к женщине, то ещё не встретил свою. Может, тебе казалось, что это должна быть ты? Наверное, тогда тебе ещё казалось, что ты имеешь на него какое-то исключительное право. Ведь именно ты дала ему жизнь. Уже позже ты поняла, что это ты зависишь от него. Что ты навсегда запуталась, утонула в его глазах.

«Он изящным жестом перерезал горло человеку. Свет факела на мгновение замер на холодной стали. Казалось, что у него в руках блик, солнечный луч. Кровь брызнула на стоящую перед мужчиной девушку. Она забрызгала аккуратными маленькими каплями лицо, волосы, одежду. Его не предупредили, что рядом с мужчиной будет девочка.»

Он ласковым, почти нежным движением провёл ей сталью по горлу, беспощадной рукой обнимая сзади за плечи.

Он посмотрел ей в глаза.

А потом ему вдруг показалось это забавным, оставить её при себе. Если что, он всегда может её убить.

Она уже мертва. Она уже утонула в его глазах».

Зачем ты сама вошла в бумагу? Ты тогда надеялась, что у тебя есть шанс. Ты тогда надеялась, что станешь ближе к нему, если появишься на бумаге.

Бумага...

Она ласково отговаривала тебя. Она говорила: «Не надо, девочка, что ты делаешь? Ты уже не вернёшься».

Бумага...

Но ты не верила ей. Тогда ты не знала, что тебя уже нет. Что теперь ты осталась только на бумаге...

«Он учил её. Он учил её убивать. Он учил её убивать себе подобных. Как нелепо смотрелась холодная сталь в хрупких детских руках. И прекрасно. Он любовался её детской рваной грацией. Он стоял в тени и любовался тем, как она дралась, как она убивала.

Так на свет явилась Серая Бабочка».

Уже тогда ты знала, что ты не сможешь написать благородную, романтическую сцену встречи, что ты не сможешь описать безумную взаимную любовь. Это значило сломать его. Сломать его образ. Это значило убить его. Это значило убить себя.

«Прошло пять лет. Девочка выросла. Она не была яркой, завораживающей красавицей, она не была яркой ночной бабочкой. Её волосы были почти серыми, кожа бледной. Только глаза были большими и зелёными, а ресницы длинными и чёрными. Она была нескладной, как подросток. Но однажды ему в голову пришла шальная мысль, что Серую Бабочку пора учить искусству любви.»

Зачем ты писала это?

Ты хотела верить, что у тебя ещё есть шанс? Ты не могла иначе.

Бумага...

Бумага...

Она тихо шептала тебе: «Что ты делаешь, девочка? Ты не вернёшься».

Простыни...

Они искушали тебя. Они щекотали тебя обрывками твоих же сновидений. Они шептали тебе: «Ещё не всё потеряно. Он будет твоим».

Простыни...

Они искушали тебя. Даже там. На бумаге.

«Чувствуя спиной тепло маленького тельца, он думал о том, что завтра у него наверняка уже будет другая Бабочка. Яркая. А значит, эту надо убить».

Почему ты так написала? Уже тогда ты знала, что вы никогда не будете вместе. Но ты не могла уйти. Тебя не пускали эти глаза. Они держали тебя. Ты уже прекратила бороться. Ты не могла уйти.

Значит, надо было умереть.

«Они стояли в тёмном закулке, в глубокой темноте. Только луна проникала сюда и серебрила всё вокруг. Но он всё равно видел её задумчивое лицо. Наверное, ему будет её не хватать».

Он наклонился, ощущая её горький аромат. Рыжие волосы упали на её лицо, прикрыли её шею, щекотали ключицы, грудь».

Он коснулся её губ, последним щемлящим прикосновением. Она растворялась в его беспощадных холодных руках. Не прерывая поцелуй, положив её на каменные плиты, он нежно коснулся её горла стальным лезвием. Он нежно провёл им по шелковистой коже. Он нежно, ласково, почти с любовью, перерезал ей горло».

Кровь забрызгала ему одежду, волосы, лицо. Он обнимал её, Серую Бабочку, с упоением наблюдая, как последние искорки покидают её глаза...»

Ты, не отрываясь, смотришь на бумагу.

Бумагу...

Бумагу...

Бумагу...

Что ты видишь там?

Когда ты вдруг поняла, что вы можете быть вместе. Вы оба должны умереть...

Зачем тебе свеча? Неужели ты сжигаешь книгу? Неужели это ты по одному листу сжигаешь бумагу?

Бумага...

Бумага...

Она же говорила тебе: «Что ты делаешь, девочка? Ты не вернёшься».

Зачем тебе нож?

Ты ласково, представляя, как он целует тебя, проводишь по горлу сталью.

Нежно, ласково, почти с любовью...

Ты одним движением перерезаешь горло, и со счастливой улыбкой падаешь на пол...

Не поминайте Бреда!

1. Первое знакомство с Бредом

Тихо шелестели разбуженные занавески, которые, несомненно, привыкли к тому, что по ночам никто свет не включает. Диван, на котором покоилось моё брренное тело, тоже недовольно скрипел. Изредка в открытую форточку влетал порыв ветра, тогда занавески шелестели ещё обиженнее.

Я возлежала на диване со стаканом грейпфрутового сока в руках и подозрительно неподходящим для моей диеты набором продуктов на тумбочке. Клюква в сахаре, молочный шоколад (плиток 10, не меньше), сало в шоколаде... Стоп! Я эту дрянь не употребляю! Это уже Хад притащила. Как, впрочем, и банка с «джин-тоником», и упаковка «Честерфилд», и зелёнькая зажигалка тоже мне не принадлежали. Хад сидела на офисном стуле за столом и пялилась в «наркотический экранчик», как я на всю жизнь окрестила весёленький монитор.

Наверное, всё-таки стоит упомянуть, кто это мы такие и где это мы находимся. А находились мы у Хад дома.

Хад — Келсинэль Энельвиал Эллет Гил де Соре Ирдис Эвале ХадЭлдер, и моя подруга по совместительству. Некромантка с трёхлетним стажем, потомственная ведьма, металлистка, Мёртвая эльфийка (мёртвые — не состояние, а тип!!!!). Усердно косит под толкинистку, но получается плохо.

На диване расположилась я. И я даже разрешу себе представиться: Ахэ'Къятта или просто Ахэ, московская толкинистка с шестилетним стажем. Это уже не лечится.

Может быть, мы и не сидели сейчас здесь, шторы бы не были разбужены, а Хад бы бодро посапывала под жёстким надзором двухметрового брата Жени, но Женя вместе с её родителями укатил во Владимир. Были каникулы, и я, бодро сообщив, что отправляюсь к Хад с ночёвкой, укатила из дома. Всё равно ехать к ней два часа, и потом возвращаться столько же вечером, на мой взгляд, не имело смысла, о чём я и сообщила родителям.

Они оказались подозрительно сговорчивыми, и мы с самого утра проводили каникулы так, как хотели с самого начала. Смотрелись в центр, побегали по магазинам ткани, завернули по дороге в книжный магазин, после которого кошелёк Хад чувствовал себя подозрительно голым, а мы были подозрительно нагружены книгами. Хад, навеселе от начала каникул, даже захватила парочку любовных романов, которые любила читать на досуге и воспринимала как сборник анекдотов. Завернув в продуктовый, она, помимо всего прочего, закупила для себя нежно любимый «джин-тоник» и не менее любимый «Честерфилд». Я, вечная трезвенница-язвенница, пай-девочка, как всегда, попыталась прочесть лекцию о вреде курения, но помогло мало. Хад и без каблуков зрелище для меня высокое, а Хад на десятисантиметровой шпильке... Я едва достаю этой стёр... милой девушке до плеча.

Хад затянулась сигаретой и, посмотрев в мою постную физию, в который раз за день обещала ради меня бросить.

На часах 3.07. На дворе тихая весенняя ночь, на небе ласковая полная луна, которая своим хитрым глазом заглядывает в окно.

Кстати, о физиях! Надо бы Хад ещё и описать. Короче, представьте себе такую девушку, ростом эдак метр восемьдесят, с наглой до невозможности физиономией и тёмными волосами до плеч, непонятного цвета, на данный момент сильно смахивающего на синий.

А рядом ещё и «наркотический экранчик»... Эх! Не жизнь, а сказка. Ещё бы выгнать оттуда Хад... (гадки мысли автора)

Вскрыв вторую шоколадку, я повеселела ещё больше и поставила окружающему миру окончательный диагноз: Жизнь прекрасна!

А чем, собственно, можно заниматься, сидя с горой еды у «наркотического экранчика» в три часа ночи? О... Ну, лично мы с Хад искренне пытались писать книгу, дружно решив, что писать книги — дело тёмное и молодёжное, а тёмные дела творят ночью, а темнота — друг молодёжи!

Книга застопорилась. Видимо, потому, что Хад, как всегда, уплывала в глубины бредней, рождавшихся в её больных мозгах, а я своими не менее большими пыталась эти бредни анализировать и обосновывать законами физики. Но возможности Хаденых бредней я недооценила:

— Бред!!!! — я зашвырнула в стену скомканный фантик от шоколадки.

ХадЭлдер молчала, что не могло не радовать...

— Эй!!!! Народ!!! Совесть иметь надо! Хватит меня поминать, а? За ложные вызовы, между прочим, штраф положен!

Я повернула голову на голос и вперилась взглядом в нечто...

Во-первых, нечто оказалось подозрительно похожим на парня лет эдак двадцати с чем-то. На лице у него застыло полностью серьёзное выражение детской обиды, длиннющие чёрные патлы, которые по идее должны были давно закрыть всё лицо от наших нескромных взглядов вместе с хозяином лица, но... во-вторых, он висел вниз головой на люстре.

— А-а-а...

— Бэ-э-э..., — беззлобно проворчал парень.

— Ты кто?

Ответила неожиданно Хад. Она оторвалась от «экранчика» и отсалютовала парню банкой:

— Привет, Бред!

— Приветик, Хад! Ну что это такое!!! А если бы я душ принимал! Ну нельзя же так дёргать. Сижу себе завтракаю, а тут... Даже не поел как следует... — он угрожающим взглядом впился в то, что осталось от моей груды шоколада.

— Завтракаешь? — я обалдела ещё больше.

— А что?

— Ну... Поздновато для утра...

— Кто когда встаёт, — Бред смог принять даже вполне гордую позу, демонстрируя всеми силами превосходство.

Хад спокойно, как будто это было в порядке вещей, кинула парню пакетик с салом в шоколаде. Тот совсем уж непонятно обрадовался.

— Ура!!!! Наконец-то! Хад, я тебя люблю, целую, обожаю!!!!

— Давай без тактильных контактов.

— ...Как давно я не ел этой прелести! Нет, ты прикинь! Целую неделю на цивилильной пище!!! Кто тут не свихнётся.

Я смотрела на них опалело.

— Хад?

— ...нет, ну вообще, наконец-то попытаюсь нормально...

— Хад!?

— ...ты меня прям спасаешь!!!

— ХАД!!!!!!?!?!?!???!!!!...?!?!...!!!!...?!?!?

— А? — она была поразительно спокойна.

— Ты нас не познакомишь?

— А-а-а... Ну, знакомься. Это Бред. Бред, это Ахэ.

— Так это ты меня вызвала?

— А Бред — это кликуха?

Мы насупились, но Бред всё же ответил.

— При чём тут кликуха. Я Бред. Самый нормальный бред. Самый обычный и натуральный.

— Это как?

— Ну, что, никогда, что ли, не бредовала?

— Ну?

— «Ну?» — впрочем, опять незлобно передразнил Бред. — А я как раз таки вот этот бред и есть, понятно?

— Э-э-э... Нет!

Бред вздохнул и повернулся к Хад:

— Она что, цивилка? — на его лице возникло выражение полнейшего ужаса.

— Не-а.

— Тогда чего она понять не может.

— А я почём не знаю. Конечно, на трезвую голову бредовать сложно.

— Обижаеть! Я трезв как стёклышко.

— Ага. Перед этим политое плавиковой кислотой.

Бред надулся на Хад и принялся за обработку меня.

— А зачем ты меня вызывала, а?

— Я никого не вызывала.

— Это как? — парень подозрительно сощурился. — Признавайся сразу! Ты точно орала «Бред!!!», и очень громко... Стоп! Говорю сразу! За эротические фантазии отвечаю не я, а Наслаждение!

— Какие, на фиг, эротические фантазии, — бросила Хад. — Ты ещё не знаешь, с кем говоришь.

— Точно?

— Точно.

— Точно-точно?

— Точно-точно.

— Точно-точно-точно?

— Точно-точно-точно.

— Точно-точно-точно-точно?

— БРЕД!!!?

— Ну, чего ты суровая такая, Хад?

— Книга застопорилась.

— Ага! Мы добрались до центра проблемы! И вам нужен совет Бреда, Бредового и Единственного?

— Ага.

— Счаз!!!!

Бред плавно переместился с лампы на подлокотник Хадиного стула и упёрся взглядом в «наркотический экранчик». Я переместилась поближе к компьютеру, на всякий случай не выпуская из поля зрения шоколад.

Бред дочитал и посмотрел на меня сурово:

— Ты назвала это бредом?

— Ну.

— Ты меня оскорбила!

Бред выдержал драматическую паузу и расплылся в улыбке.

— Но ничего! Не всё потеряно! Мы счаз из этого цивилизма сделаем такой бред, закачаешься! Значит-с, так! Ага. Главный герой у нас кто? Рыцарь? Что??? Паладин? Девочки, вы отстали от жизни. Значит-с так, будет он у нас магом, но без магических способностей, выезжать будет на гениальности, сталкивая противников и заставляя делать за себя всю работу... Ага. Точно. Ещё будет постоянно пытаться чегой-нибудь намагичить, что будет кончаться плачевно. Ещё будет отлично драться на... Алебарде! Точняк! Любимое оружие — алебарда! Лучший друг кто? Жрец? Вы чего, очумели? Конечно же, вор-неудачник, который для всех прикидывается злобным воином-варваром, несмотря на то, что он халфлинг и от пола метр с кепкой... Кстати! Головной убор — кепка. С нецензурной надписью местного значения: «Naik» или «Adidas». Так, так. Влюбится он в кого? В дочь короля? Да что вы говорите! Ни фига. А влюбится он, допустим, в... Ага! В главного злодея! Точно. Он будет очарован его мощью и природными способностями!!!! Что ты говоришь? Он парень? И что из этого? А... Главный злодей тоже? Ну и что? Мне же это не мешает. О! Да! А ещё в главного злодея влюблена пай-девочка, дочь короля, натуралка хренова. Вот такой вот любовный треугольник...

— БРЕД! — кажется, кричали мы обе.

— Что, Бред? Отличная идея! А теперь всё это разгребайте, а я пойду! Дела!...

— БРЕД!!!!!!!!!!!!...?!?!?...?!?!?...?!?!?...!!!!...?!?!?!!!!!!!???...!!

2. Бредовые мысли

Если вы думаете, что на первом знакомстве с Бредом все ужасы наших каникул закончились, то вы глубоко ошибаетесь. Я вытребовала у родителей ещё пять дней погостить у Хад, и, на моё удивление, они согласились, вытребовав у нас обещание быть хорошими девочками (хорошая — понятие абстрактное), быть осторожными (ещё бы! хи-хи) и нормально питаться (ага, много захотели!).

Мы парились дома, хрумкая шоколад, полуфабрикаты и прочие гадости. Я дремала, завернувшись в плед, а Хад на соседнем диване за неимением ничего лучшего читала «Гарри Поттера». Выражение лица у неё было подозрительно сосредоточенное, я бы даже сказала, вдохновлённое. Она периодически отвлекалась от книги и, вздымая к потолку глаза, о чём-то задумывалась. Додумалась она до того, что включила компьютер и стала чего-то строчить. Строчила долго, я успела десять раз позадремать и снова проснуться (ну, люблю поспать, и ничего с этим не поделаешь). Затем она гордым взглядом окинула написанное и не менее гордо провозгласила, что будет писать продолжение «Гарри Поттера». Хорошо, что в этот момент я дремала, потому что в первый момент я подумала, что мне это приснилось, что спасло меня от болезненного падения с дивана.

— Бред, — сказала я вполне миролюбиво.

А Хад уставилась на меня, как на сумасшедшую.

— Не поминай Бреда!.. Упс!

Тот возник недовольный и запыхавшийся. Зрелище собой Бред представлял самое бредовое. На этот раз наш друг стоял на полу, с женским стеснением завернувшись по уши в огромное розовое полотенце и держа в руках жёлтого резинового утёнка.

Хад виновато наклонила голову, как бы говоря: «Прости, друг!» — и даже озвучила эти мысли. Бред ещё минут пять поломал комедию, пообзывал нас самыми бредовыми прозвищами, позакидывал руки, даже разыграл сердечный приступ, но от валидола благодушно отказался.

Зато придуриваться стала Хад.

— Ты меня простишь? — у неё на глазах даже выступили слёзы.

Выглядела Хад на коленях возле Бреда бредово, о чём он не преминул сказать.

Бред уже отбредовал, и приколы Хад его совсем не вдохновляли.

Как я с этими двумя могу находиться в одной комнате? Вы у меня спрашиваете? Серьёзно? Тогда отвечу. Причём честно. Не знаю. Может, я садомазохистка? Не замечала. А с другой стороны, что ещё делать в весенние каникулы, когда уроки все сделаны и хочется только лежать, уткнувшись в подушку, и тихо сопеть. Что я, собственно, и сделала.

— Так, что у вас тут опять? — устало спросил Бред. — Хоть сало в шоколаде дай, что ли?

— Что такое, Бред? — Хад казалась обеспокоенной.

— А..., — он зевнул, — одни цивилы. Куда ни пойдёшь, везде Здравый Смысл... Уф! На тебя одна надежда! Хадечка! Хоть ты не обцивиливайся! Прощу тебя! Я этого не перенесу!

А теперь представьте себе, как выглядел Бред, склонивший голову на «объёмистый» бюст ХадЭлдер, которая гладила его несчастную голову, скрытую в куче чёрных волос. Правильно. Зрелище бредовое. Тут ХадЭлдер неожиданно пришла в голову мысль. По крайней мере, мне так показалось.

Она поднялась со стула, подняла вверх палец и провозгласила:

— Бред, хочешь развеселиться?

— Как? — он скептически улыбнулся

— Я тебе покажу то, что я написала!

— Такой же цивилизм? — он ужаснулся.

— Да нет! Что ты! Самый большой бред, который я писала!

— Ну покажи, — впрочем, без особого энтузиазма откликнулся бред.

По мере чтения лицо Бреда менялось, причём, весьма и весьма выразительно. Сначала на нём читалась откровенная скука, постепенно переходящая в лёгкую заинтересованность... любопытство... интерес... подозрение... раздумья... догадка... ужас... УЖАС!!!

— Ты... ты... ты... т-т-т-ты! — Бред, кажется, не мог чётко сформулировать свои мысли.

— Что? Так плохо? — Хадя поникла.

Бред принялся носиться по комнате.

— Нет! Хад! Ты не понимаешь! Я тебя умоляю!!!! Пожалуйста!!! Не пиши дальше!!!! Я тебя умоляю!!!!

— Хорошо.

— Нет! Хад, ты не поняла!!! Ты мне друг?

— Ну да.

— Тогда не пиши дальше, пожалуйста!

— Ну, хорошо! Не буду, — Хад покраснела от ярости. — Скажи, в чём дело.

Бред посмотрел на неё в отчаянии.

— Ты, что не поняла? Это же бред! Бред! БРЕД!!!! **ЕСЛИ МОЁ НАЧАЛЬСТВО ЭТО УВИДИТ, ТО МЕНЯ УВОЛЯТ И НАЙМУТ ТЕБЯ!!!!**

3. Бредовая ванна

Да ничего особенного я, собственно, и не делала. Просто шла по квартире. Ничего не предвещало последовавших событий. Не... ну совсем ничего. Если не считать того, что я всё ещё находилась в квартире ХадЭлдер. А это само по себе может предвещать что угодно. Не верите? Побывайте в квартире у ХадЭлдер во время отсутствия в одной её родителей. Мигом поймёте.

Так вот, шла я по коридору. Зачем? Дурацкий вопрос! Шла я в кухню. Ибо кушать хотелось очень. Из-за двери ванной уже полчаса доносился звук льющейся воды, который сопровождался шуршанием, звоном флакончиком и подвыванием в стиле:

— Я свобо-о-о-о-о-оде-е-е-е-н!!!!

Словно пти-и-и-и-ица-ца в небеса-а-а-ах!!

Я свобо-о-о-о-о-оде-е-е-е-н!!!!

Я забы-ы-ыл, что значит стра-а-а-ах!!!

Я свобо-о-о-о-о-о-оде-е-е-е-н!!!!

С дики-и-и-м ве-етром нара-авне-е-е-е!

Я сво-о-о-обо-о-оде-е-е-н!

Наяву, а не во сне-е-е-е-е-е!

Я своо-о-о-обо-о-о-о-БЛИ-И-И-И-И-И-Н!!!! Опять!!!! А-а-а-а-а! Мы-ы-ы-ло в глаза-а-а-а-а!!!!

В общем, было весело. До тех пор, пока я не имела несчастье зайти в кухню и, увидев то, что там твориться, глубокомысленно проговорить:

— Бред. Во бре...

— А-а-а-а-а-а! Кто вызвал Бреда!!!! Ахэ!!!!!!!! Я тебя убью!!!! А-а-а-а-а!!!! Бред, а ну быстро!!!! Ушёл отсюда!!!! Кому сказала!!!!!!!! Хватит щекотать!!!! А-а-а-а-а!!!! Щекотно же!!!!

Хоть я и знала, что теперь Хад точно пришла в бешенство, но глубокомысленно рассудила, что это всё-таки стоило картины, открывшейся передо мной.

Дверь ванной резко открылась, ударившись о стену, и выпустила наружу клубы пара, полного запахов шампуней, гелей, бальзамов, эмульсий, ароматических масел и ещё чего-то там, чем были заставлены полочки Хада Эддер. Не вязалась со всем этим только баночка перекиси водорода и нашатырный спирт, всё на той же полочке.

Вслед за паром показалась Хад. На самом деле это надо видеть. Это чудо как-то куталось в большое тёмно-синее полотенце, пестрящее разноцветными рыбками. С головы, подозрительно мыльной, стекали синенькие ручейки краски для волос. На лице красовалась белая масса, благоухая на весь коридор лимоном.

«Видимо, лимонная маска для осветления кожи. Свол... нехорошая девочка. А в чай лимон пожалела!» — невесело думала я.

Дополняли эту прелесть два ватных диска, смоченные в чём-то подозрительно напоминающем чайную заварку, которые Хад сжимала в руках.

Неподалёку стоял Бред и откровенно ржал. Он-то выглядел куда презентабельней... хотя... э-э-э... это я сказала? Да что вы? Значит, я тогда ещё не успела на него посмотреть. Нет, я всё понимаю... оделся под металлиста... кожа... цепи... заклёпки... Но **ПОЧЕМУ КОЖА РОЗОВАЯ!**

Классного такого, суперстрёмного, цвета «барби»! А-а-а! Спасайте!!!!

Ну, в общем, понятно. Только, конечно, стоит сказать, что оба эти субъекта смотрели на меня... э-э-э... как бы это лучше выразиться... нехорошо, в общем...

МОЖЕТ, Я ПОЙДУ, А?

4. 555 или 500 или 1111... в общем, лучше не пробовать...

Я опять спала... ну, вернее, дремала... или всё-таки спала... А! Какая разница!?

Факт в том, что я привычно посапывала на диване, а Хад с лицом хищника, почувствовавшего добычу, рылась в мобильном телефоне. Не, она его, конечно же, не разбирала. Просто сидела и остервенело нажимала на кнопки.

Этот факт меня, несомненно, заинтересовал, и я даже поинтересовалась у этой милой девочки, что она там такое делает в своём мобильничке. Хад подняла на меня глаза, которые светились непередаваемым азартом, и ответила, что посылает SMS в мобильный клуб знакомств. Я уже хотела тихо отвалиться, зная, что отговорить Хаденьку от этого бреда не удастся, но мне не

дали и стали засыпать вопросами, что бы такого написать в анкете, чтобы было попривлекательней.

Я, конечно же, такому наглому и бессовестному использованию моих мозгов воспротивилась. Однако все попытки были тщетными.

— О! — провозгласила, наконец, Хад.

— Что?

— Точно! «Стерва, ищет стервятника»!

— О Боги! — вот тут-то я окончательно решила уткнуться носом в подушку, но имела несчастье пробормотать перед этим весьма отчётливо. — О Боги! Во бред-то!

Тот появился здесь, тут же, в самом, что ни на есть, бредовом состоянии... Не, я всё понимаю... я даже привыкать потихоньку начала ко всем его видочкам, но ЗАЧЕМ ОН ВЗЯЛ ХАДИНУ ПЕРЕКИСЬ ВОДОРОДА В ТАБЛЕТКАХ!!!!!! Волосы Бреда были бредоватого такого цвета «французской» блондинки и завиты мелкими колечками. Эти небесные, ангельские локоны обрамляли его наглую физиономию. Вечно тёмные глаза теперь были голубенькими и выражали наивность херувима. Про беленькое платьице с нежно-розовыми бантиками я лучше говорить не буду. Лицо... да-а-а-а.... Он явно стащил Хадину косметику, но эту жуткую розовую помаду она всегда накладывала под стальную и получала классный эффект, но Бред...

Хад Эддер упала с кровати и растянулась на ковре, потирая глаза.

— Как я вам, девочки? — кокетливо спросил Бред.

Хад простонала что-то совсем невразумительное, но её ответ странным образом обрадовал Бреда.

— О, да! Я понял! Вы в отпаде... Ой! Ну, в смысле, вы потрясены моей очаровательной внешностью, — он кокетливо помахал неизвестно откуда взявшимся веером перед лицом и даже вполне натурально зарделся.

Хад только простонала что-то в ответ, усердно пытаясь собрать зрачки в кучку, но те упорно рассыпались.

— Э-э-э, не-е-е-т! Шутницы! Можете даже не делать мне комплиментов. Вы меня всё равно теперь не интересуете, — Бред наклонился ко мне и, мило покраснев, стыдливо прошептал: — Я теперь... это... по части мальчиков...

И тут он увидел мобильник, судорожно зажатый у Хад в руках.

— Ой! Как интересно!! — Бред даже запрыгал мелко от восторга. — А можно я!!!!

Мог бы даже и не спрашивать. Он всё равно с далеко не женской силой вырвал у выпавшей в осадок Хад мобильник и с ужасом прочёл сообщение, которое она уже хотела отправить.

— О, боги! Девочки!!! Да что это такое! Где ваше врождённое чувство вкуса, где ваш такт! Где приличия!

Он обвёл нас горящим взглядом.

— Но ничего! Я буду вас учить! А тебе, Хад, нужен нормальный парень! Счас найдём! Ну что это такое! Какая ещё «стерва»! Значит, так, пишем: «Милая молодая леди, мечтает познакомиться с настоящим джентльменом для продолжительного общения. Требования: прописка московская, квартира собственная. Женатых, разведённых, с детьми, извращенцев и алкоголиков

просим не беспокоится! Дополнительно о себе: Люблю белые платья, розовые бантики и пончики с сахарной пудрой!»

Эх, зря он это сказал. Хад только начала подниматься, но, услышав про пончики, она пробормотала что-то насчёт того, куда могут идти все пончики, «Киндер-сюрпризы», шоколадки, даже вроде успела сказать что-то невнятное про солёные огурцы и рухнула с высоты чёрных домашних тапочек на десятисантиметровом каблуке.

— Вот так вот, девочки! Смотрите, как надо! Так, посмотрим! О! Пришло что-то!.. Нет, Хад, сама ты писать не будешь! Настоящие леди не начинают разговор первыми! Вот! Ага! ЧТО????? — Бред покраснел. — Нет, это я вам даже читать не буду. Фи!

Время шло. Бред периодически получал SMS-ки, мило краснел, возмущался, весело щебетал что-то сам себе... и никак не находил подходящую кандидатуру. Конечно, мы уже многое успели увидеть, но Бред в роли дуэны — это было превышение нормы.

Солнце медленно заходило за горизонт, а принц на белом коне всё не ехал...

— И-йес!!!! — заорал Бред, выходя из роли, впрочем, тут же прижал ко рту шёлковый платочек и, мило зардевшись, застенчиво улыбнулся. — Вот! Хад, то, что тебе нужно. «Молодой человек из благополучной семьи желает познакомиться с порядочной девушкой. Блондин. Глаза — голубые». Счас договоримся!

Ох, зря он это сказал. А то Хад только начала вставать...

Ну, снова грохнулась она вполне удачно, ибо с её позиции был явно виден плакат Кипелова на стене.

А я, впрочем, сидела и думала, что ещё не перевелись люди, оставляющие такие сообщения на молодёжных SMS-форумах...

— Так, Хад! Я уже обо всё договорился. Он скоро будет! Давай!!! Вставай, пошли!!!

— Куда? — Хад всё же собрала глаза в кучку и даже встала.

— Как, куда?!?! — Бред опешил. — Готовиться!!! Я даже одолжу тебе ненадолго своё платье! — он опять зарделся. — Только обещай отвернуться, пока я буду его снимать!

Бред шутливо пригрозил Хад пальцем и потащил её в ванную. Вскоре оттуда донёсся плеск воды, женский визг и мат. Мат, как ни странно, принадлежал только Бреду. Вскоре к визгу и плеску прибавился ещё и звон флакончиков. Длилось это до тех пор, пока не раздался звонок в дверь. Всё стихло.

Звонок повторился.

Из ванной доносилось какое-то копошение, отборная ругань Хад и приглушённый, обиженный голос Бреда.

Звонок повторился.

Я не выдержала и встала с дивана.

В коридоре стояли Бред и Хад. Бред, внасквозь мокрым платье и с волосами, повисшими мокрыми сосульками. С него обильно стекала вода и шампунь, которым он, видимо, пытался вымыть Хад голову. Та, впрочем, выглядела не лучше. Тоже вся мокрая, волосы мокрые, мыльные, кое-где обесцвечен-

ные. На лице следы розовой помады, которую, видимо, Бред всё же пытался нанести, но каждый раз промазывал.

Я ухмыльнулась и открыла дверь.

Стоял там эдакая прелесть, ростом... в общем, с таким ростом нагибаются, входя в вагон метро... волосяры, как и обещано, блондинистые, глазки голубенькие. Бред смущённо зарделся и улыбнулся со всей свойственной ему очаровательностью.

Прелесть обвёл глазами Бреда, Хад... и, остановившись взглядом на мне, неожиданно улыбнулся. Я так обалдела, что неожиданно вспомнила, что вообще-то на мне милый такой домашний байковый костюмчик — белые бриджи и белая кофточка, а в руках я вообще-то держу... пончик, щедро посыпанный сахарной пудрой...

Бред победно ухмыльнулся.

Я закатила глаза, пробормотала, что-то в стиле: «О Боги!» и, кажется, грохнулась на пол.

***ЕСЛИ ХОТИТЕ ПОКОНЧИТЬ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ,
СБРОСТЕСЬ С ВЫСОТЫ СОБСТВЕННОГО РОСТА!***

Плачущее небо

Небо плакало...

Его всхлипы отдавались в раскатах грома, его холодные, мокрые слёзы текли по зонтам, крышам автомобилей, стекали по тротуарам и стучали в окна домов.

Небо рыдало...

Если я спрошу вас, слышали ли вы когда-нибудь, как рыдает небо, вы непременно ответите «да». Но тот, кто не слышал, как оно плакало в этот день, никогда не узнает, как может рыдать небо.

По тротуару шириной всего полметра шла девочка. У неё были серые, как тучи, волосы, зелёные, как море, глаза и белая, как снег, кожа. Её зелёное, как трава, платье намокло и облепило тело. Она шла, подставив лицо слезам неба. Они стекали по лицу, смешиваясь с её собственными. Эти солёные капли лучились в свете уличных фонарей. В них отражалась вся боль и безразличие мира. Девочка кружилась на узком тротуаре и смеялась. Её смех был чужд этому миру. Этот серый мир как будто обтекал её стороной.

Машины проезжали мимо неё на беспенной скорости, люди сидели за окнами домов, чьи стены напичканы лучшей звукоизоляцией. Никто из них не замечал одинокую фигуру, бросающую им вызов...

Девушка шла по городу. Всё равно куда. Все улицы и дома выглядят абсолютно одинаково. Мир серых, подпирающих небо громадин. Мир узких тротуаров. Мир быстрых машин. Мир высоких технологий и неоновых ламп.

Мир без солнца, неба, звёзд, травы, животных. Мир без света. Мир без темноты. Мир безликих провалов окон. Мир безликих, серых людей.

Вдруг девушка выскочила за поворот и остолбенела. Перед нею возвышалось прекрасное здание. Оно так же контрастировало с окружающим миром, как она, а значит, было другом.

Прекрасные, устремлённые вверх стены. Разноцветные стёкла. Кажется, она читала о таких в учебнике истории. Они назывались витражами. Здание тянулось вверх, к солнцу. Оно само стало частичкой солнца в этом безжизненном мире. А перед готическим собором... росла трава.

Девушка, не веря своим глазам, подошла поближе, чтобы убедиться, что это не синтетический обман.

Она склонилась над землёй, прижавшись щекой к мокрой, жухлой траве и вдыхая её слабый аромат. Она пробуждала внутри что-то странное, сверхъестественное, но очень знакомое. Ей казалось, что всё это когда-то было. С нею? Запах травы был таким знакомым, он был частью её.

Эта жухлая трава казалась ей зелёной и сочной по сравнению с асфальтированными тротуарами. А она ведь никогда не видела землю. Только сейчас девушка поняла, что всю жизнь её окружал холодный асфальт, полимеры и белый свет неоновых ламп.

Она с удивлением разминала в руке мягкую, податливую землю. Та пахла глиной, мокрым песком, сгнившей травой и чем-то своим, неповторимым.

Девушка поднялась и вошла в приоткрытые двери храма. О Боги! Какие здесь были высокие потолки. А скамьи. Да! Ошибиться невозможно. Дерево.

А на возвышении в конце зала стояло непонятное сооружение.

Высокое, величественное... Множество деревянных и металлических труб, заключённых в один корпус, пять мануалов, клавиши... Всё покрыто толстым слоем пыли, тонкими нитями паутинок.

Девушка пошла вдоль рядов скамей, оставляя за собой на полу мокрые, грязные следы. Она села на обтянутое кожей сиденье и коснулась дрожащими руками клавиш. Инструмент издал сильный, сочный звук.

О Боги! Как же он не был похож на тот синтетический звук магнитофонов и электрических инструментов. Он был живым. Он жил своей жизнью. Он рождался, летел ввысь, достигал своей высшей точки и падал вниз, разбиваясь о землю. Он был недолговечен, как искра костра. Он умирал, но оставался в памяти.

Девушка положила руки на клавиатуру и неожиданно для себя взяла красивый, мощный аккорд. Кажется, в школе им рассказывали о подобном. Клеточная память? Какая разница. Главное, что она может творить пальцами подобную музыку.

Пальцы девушки заскользили по клавиатуре. Из инструмента лился мощный, сильный звук. Он смешивался с раскатами грома на улице, образуя причудливые сочетания...

Девушка убрала руки с клавиатуры. Вдруг сзади послышался лёгкий скрип.

Девушка тут же обернулась, ожидая порицаний.

Сзади стоял монах в чёрном одеянии. Его тело было настолько худым, что, казалось, сейчас переломится пополам. Его волосы были белыми, почти прозрачными, редкими. Лицо с лихвой выдавало прожитые годы. Девушка никогда в жизни не видела таких старых людей. В её мире, том сером мире за разноцветными стёклами витражей, люди не доживали до шестидесяти. Генные болезни, наркотики, токсины, курение, загрязнённая вода. Воздух перестал быть прозрачным. Казалось, что его можно потрогать руками, таким он стал плотным от количества выброшенных в него посторонних веществ. А сейчас перед нею стоял человек, которому было семьдесят..., нет, больше... глаза выдавали мудрость прожитых лет. Сейчас эти глаза, полупрозрачные, как стёкла в витражах, были широко раскрыты в страхе и изумлении.

— Простите меня, — прошептала девушка.

Она говорила тихо, еле дыша, как будто боялась ещё чем-нибудь потревожить благословенную тишину этого места.

— Откуда?.. откуда ты?.. почему ты?.. Откуда ты знаешь ЭТО? — человек говорил, прерываясь. Он, широко раскрыв глаза, смотрел на девушку, будто боялся, что стоит ему моргнуть, и она исчезнет, раствориться, как неверный осенний туман над озером.

— Я... я не знаю. Я просто пришла, ... увидела траву. Вы знаете, я никогда не видела траву. А она всегда такая, — девушка говорила, захлёбываясь словами. — А зачем она нужна?

— Трава?

— Да.

— Она? Зачем она нужна? Зачем нужна трава? — старик неожиданно за-
лился сухим, горьким смехом, больше похожим на кашель. — Ты спрашива-
ешь у меня, зачем нужна трава? А зачем тогда нужны люди?

— Ну...

Она неожиданно поняла, что никогда не задавалась таким простым во-
просом. Да и никто не задавался. Просто однажды придумали такие химиче-
ские технологии, что в растениях отпала надобность. Потом это произошло с
животными. Самое страшное было в том, что большинство её сверстников
даже не знало, что это всё когда-то существовало.

— Вот видишь. Ты не можешь мне это сказать.

— Расскажите! — неожиданно потребовала девушка.

— Что? — старик нахмурился.

— Расскажите. Всё расскажите. Я же вижу, что вы знаете. Я много читаю.
Правда. И всегда нахожу какие-то неурядицы, нестыковки, как будто это всё
ненастоящее. Всё. Будто стоит надавить немного, и весь этот мир поедет по
швам.

— Тебе кажется, — священник смотрел на неё почти со страхом.

— Нет, мне не кажется, — девушка кричала. — Вы всё знаете. Вы всё это
видели. Сколько вам лет?

— Ну, ладно, — священник покачал головой, — я тебе всё расскажу.
Только пеняй на себя. Мне сто пятьдесят девять лет, и это знание копилось в
этом соборе долгие веками.

Когда-то, больше тысячи лет назад, люди были другими. Мир был дру-
гой. Он был ярче, интересней. Но человечество всё дальше погружалось в
глубины науки, исследовало новые технологии. Его жизнь ускорялась вместе
с темпами развития. Это было похоже на катящийся с горы камень, постоян-
но набирающий скорость. Всё меньше становилось на земле растений и жи-
вотных. Возросла скорость исчезновения видов. Всё это подняло массу на-
родных протестов... И послужило для ускорения научной деятельности. Но-
вые химические технологии позволили обходиться без растений и животных.
Их бросили. «Green Peace» пытались встать на защиту биологических видов.
Их раздавили. Новые технологии были быстрее, проще, мобильней.

Чтобы освободить место для жизни людей, вырубали леса, миллиардами
уничтожали животных. Уничтожали книги. Книги знали слишком много,
чтобы оставить их в живых. Начался необратимый процесс. Человек перестал
совершенствовать себя, он стал совершенствовать мир вокруг себя. Уничто-
жали культуру, спорт, памятники искусства. Для людей создавались все усло-
вия, чтобы они могли как можно меньше думать, больше отдыхать. Упала оп-
лата труда за интеллектуальные профессии. Тем людям, в чьих руках была
власть, не был нужен народ, который бы думал, развивался, сам принимал
решения.

Кино, театр... Всё это стало заменяться рекламой и низкопробными ко-
медиями, чтобы людям не к чему было стремиться. Тем людям, в чьих руках
была власть, не был нужен народ с устремлениями, мечтами.

Были уничтожены дома моды. Эксклюзив вырывался с корнем.

Одежда, продукция... Всё это стало однотипным. Тем людям, в чьих руках была власть, не был нужен народ, который испытывает сильные эмоции. Страх, ревность, зависть. Им нужен был апатичный народ, у которого всё есть, которому хорошо, которому не к чему стремиться. К чему стремиться, если у тебя всё есть?

По той же причине стали отсеиваться и искореняться люди с неординарной внешностью. Ты видела хоть раз человека с рыжими волосами? Ты думала, таких не бывает? Сейчас их нет, но раньше все люди были разными. Были высокие и низкие, рыжие и темноволосые, были люди-альбиносы — абсолютно белые с красными глазами. Теперь все люди стали одинаковы. Среднего роста, со средней фигурой, средними волосами, средней длины, средними чертами лица, средними способностями. Ты когда-нибудь ещё видела людей с зелёными глазами? Нет? Если я не ошибусь, то мать заставляет тебя носить линзы, твоих глаз стыдятся. Почему тебе не сделали операцию? Всё просто. Это чревато ухудшением зрения. Даже слепотой. А это бросается в глаза ещё больше...

Старик рассказывал. Он говорил. Его голос был похож на одинокий шелест дождя по листьям деревьев.

А потом он показал ей... библиотеку. Она никогда в жизни не видела книг. Они были необыкновенными, старыми. В затхлом помещении стоял ни с чем не сравнимый терпкий, мускусный запах. Книги были такими большими по сравнению с портативными компьютерами. Они казались такими хрупкими. Казалось, что любой, даже самый слабый ветерок может рассыпать их в пыль...

Девушка стала приходить сюда каждый день. Она вгрызалась в глубины знаний, как болезнь вгрызается в тело, как лиана вгрызается в уставшее дерево...

А небо плакало за цветными стёклами витражей...

Я бы могла продолжить эту историю, но кто захочет узнать её.

Кто захочет увидеть...

Кто захочет узнать...

Кто захочет узнать, что монах вскоре умрёт. Он не выдержит груз прожитых лет. Он рассказал всё. Всё, что знал. Он часами говорил. Он говорил обо всём, что знал. Когда закончились факты, он стал рассказывать сказки.

Но кто захочет узнать, что, когда он рассказал последнюю, его сердце не выдержало груза одиночества, страдания...

Кто захочет узнать...

Знание — это слишком тяжёлое бремя, что бы нести его в одиночку.

За знание презирают, отвергают, бьют, пытаются раздавить, как ненужную букашку. Но ведь и она хочет жить. Вы когда-нибудь задумывались, что, давя в лесу комара, вы убивали существо, которое всего лишь боролось за своё место под этим солнцем.

Кто захочет узнать, что девушка не жила долго и счастливо, что она не нашла своего принца.

Знание — это слишком тяжёлое бремя, что бы нести его в одиночку.

Кто захочет узнать, что она сломалась под этим бременем, что однажды вечером она просто пришла домой, легла в кровать и не проснулась.

Никаких бурных сцен, трагических прощаний, предсмертных слов, рыданий.

На следующий день её кремировали, а прах развеяли по ветру.

Через месяц её мать, отец, сестра, товарищи забудут о девушке с серыми волосами и печальными зелёными глазами.

Не останется даже памяти...

Хотя...

Может, её будут помнить книги, обижено стоящие на полках потому, что их больше никто не прочтёт...

Может, её будут помнить эти стены, цветные стёкла витражей, старый орган, красная ковровая дорожка, грязные пятна на полу...

Может, её будет помнить трава, растущая перед собором...

Но потом придёт конец и этому...

Книги горят...

Камень крошится...

Трава жухнет, умирает, тлеет...

И ещё её будет помнить небо...

Небо, которое плакало, рыдало, задыхалось, бросало в гнев на людей молнии и замирало в беспомощности...

Небо плакало...

Покрывало

В селе одном девица жила, пряжа и вышивальщица, лучше которой не видывали ещё. И поговаривали, будто ведьмой она была. Знала девица травы, и все в селе, коли недуг какой одолеет, коли скот захворает, к ней шли. Была девица красива, волосы у ней были черны, как ночь, а глаза зелёные, кошачьи.

А девица одна в селе была, которая вышивальщицу невзлюбила, ибо юноша, которого любила она, в ведьму ту влюблён был. И стала она слухи распускать, будто девица та ведьма злая, будто нити она в крови младенческой вымачивает, дабы власть над теми, кто работу у неё покупает, иметь. А вышивальщица молчала и только улыбалась недобро.

И коли болезнь у кого какая приключится, так сразу девица та всё так выворачивала, будто вышивальщица-то во всём и виноватая. А та молчала всё, молчала, а улыбалась недобро.

И перестали люди покупать у неё работу, и с недугами приходиться перестали, и на улице сторонились её, и взгляды бросали нехорошие. А вышивальщица молчала всё, слова не проронила, только улыбалась недобро.

И заболел у мельника сынишка младшенький. Знала вышивальщица, как помочь ему, но не пустил её мельник к сыну. А парнишке всё хуже и хуже становилось, угасал он как свеча, и однажды свеча его жизни потухла. Умер мальчик. А девица та всё так представила, будто вышивальщица во всём и виноватая.

Слепы оказались люди. Окружили они дом вышивальщицы, но та и скрыться не пыталась. Она сидела за своим столом и дошивала покрывало, а на покрывале выгибала спину кошка огромная, что пантерой зовётся. Чёрная, как ночь, с глазами зелёными. Схватили её и повезли через всё село на телеге к костру. Но покрывало не отняли. И каждый выходил навстречу и плевал ей под ноги.

Уже подводили её к костру, когда провела вышивальщица стежок последний. Развернула она покрывало, завернулась в него и пропала, в воздухе растворилась. Только покрывало и осталось лежать на камнях, и пантера на нём смотрела на людей осуждающе, ибо не пантера то смотрела, а вышивальщица. Испугались люди, решили они сжечь покрывало, сами не зная, что с ними будет. Подожгли они костёр и кинули туда покрывало. И взметнулось пламя до небес.

Осыпалось покрывало горсткой пепла, и выпрыгнула из пламени кошка та, что на покрывале была. Была она большой и страшной, с когтями мощными. В страхе попятнулись люди.

А кошка не обращала на них внимание. Она уже спешила в лес. Туда, где её дом.

Потеря веры

Сатана, без сомнения, был лучшим другом церкви за всю её историю, раз он держал её при деле все эти годы. Ложным доктринам Ада и Дьявола было дано цвести слишком долго благодаря протестантской и католической церквям. Без Дьявола, в которого можно тыкать пальцем, набожники правого пути не имели бы других дел, кроме угроз своим последователям. «Сатана вводит вас в искушение», «Сатана — принц Зла», «Сатана зол, коварен, жесток, — предупреждают они. — Если вы поддадитесь искушению Дьявола, то испытаете муки вечного проклятия и будете жариться в аду».

Антон Шандор ЛаВей, «Сатанинская Библия»

...Ведьма горела мучительно...

Оранжевое пламя костра лизало её худую костлявую фигуру огненными бичами. Она была совсем молодой, высокой, костлявой. На лицо падали страшные белые волосы, больные, слепые глаза когда-то, наверное, были зелёными, а теперь стали мутными, бледными с тошнотворным, болотным оттенком. Глаза слезились.

Я помнил, как сам вынес приговор. Я никогда не колебался. Эта женщина дурила молоденьких девушек, продавала им настойки дьявола, любовные зелья. Она была одержима дьяволом и даже не хотела этого скрывать. Она летела по ночам на шабаш, танцевала обнажённой под луной вместе с такими же, как она. Она участвовала в призываниях демонов и совокуплялась с приспешниками дьявола. Она не выносила прикосновения распятия. Она была окончательно искалечена порчей. Помочь мог только огонь. Но я прекрасно знал, что даже огонь не поможет ей. Я видел эти заблудшие души, когда они отлетали от тела. На секунду они взлетали вверх, какие-то продолжали свой путь, но остальные стремительно неслись в ад. Дьявол был их хозяином при жизни, и даже после смерти они не могли уйти от его власти.

А пламя танцевало вокруг ведьмы, и мне казалось, что женщина уже в аду. Казалось, что этот костёр и есть частичка ада. И этот ад теперь жёг, пытал ведьму.

Инквизитор помнит всё.

...Я помнил тёмные подвалы под главным зданием Святой Инквизиции. Я помнил, знал их лучше, чем собственный дом. Я отлично помнил, как привели эту женщину. Она стояла, как победительница. Сломленная, но всё же победительница. Она смотрела на нас исподлобья глазами, в которых плескался сам ад. Мы проводили знакомые процедуры и на этот раз не испытывали ни частички удовольствия, ни капли удовлетворения, освобождая от оков дьявола ещё одну заблудшую душу. А я с самого начала видел, что они не освободят эту. В дело пошло всё. Её даже почти не пришлось пытаться. Она сломалась почти сразу же. Привязанная за тонкие, костлявые руки, со сломанными, раздроблёнными одним из самых жестоких приспособлений Святой Инквизиции пальцами к потолочной балке. Нижнюю балку, ту, к которой были привязаны ноги, только начали опускать. Только-только... Только-

только стали выворачиваться в пазах суставы. Только-только... И ведьма сломалась. Не выдержала боли. Ведьма кричала.

У каждого свой болевой порог. Но когда человек переходит этот порог, он уже не может даже кричать.

Она очнулась в тот момент, когда мой молоток с хриплым стуком опустился на поверхность стола, подтверждая приговор. Она подняла на меня глаза, и уже тогда я понял, что часть этого ада, что плескался в самой глубине её страшных глаз, она отдаёт ему. Ведьма открыла рот, и из горла, обожжённого кипящей водой, которую они сами вливали в него, вырвался хриплый, страшный, пугающе спокойный шёпот.

— Ты, — казалось, что сейчас она заговорит на языке дьявола. Казалось, что сама человеческая речь чужда ей, — облачившийся в лживую мантию праведности. Ты говоришь, но слово твоё отяжелело под бременем священной лжи! Ты! Я проклинаю тебя, во имя Люцифера, дабы восстал он и возвестил равновесие и правду, вопреки Слову! REGE SATANAS! AVE SATANAS! ДА ЗДРАВСТВУЕТ САТАНА!

Она залилась страшным, жутким смехом. Уже тогда я понял, что проклятие достигло цели. Я ещё не знал, что оно сделает со мной, но уже понимал, что мне не уйти, не спастись, что сам Бог не защитит меня перед ненавистью этой женщины, даже после её смерти.

Наверное, это говорило уже моё проклятие, ибо я усомнился в силе Господней...

...Огонь последний раз лизнул белые, неестественно белые кости ведьмы.

Инквизитор пошёл домой. А его проклятие шло за ним по пятам, заставляя людей оглядываться.

Я шёл, не оборачиваясь, изо всех сил стараясь не перейти на бег, пытаюсь выглядеть как обычно. Потом мне казалось, что если бы я побежал, если бы я хоть на секунду опередил его, моё проклятие, вошёл в дом раньше, запер перед ним дверь, то всё было бы иначе. Но я не побежал.

Ночью мне снился сон.

Преодо мною явилась Мадонна Богородица. Но говорила она странные речи.

«Зачем ты сделал это, Роланд?» — спросила Мадонна.

Я пал ниц, не понимая, о чём она говорит.

«Зачем ты разрушил жизнь этой женщины?»

«Она была одержима дьяволом!» — хоть в этом я был всё ещё уверен.

«А нет никакого дьявола, Роланд», — на ней была странная одежда.

Я замолчал потрясённо.

«И бога тоже нет, Роланд. Ничего этого нет. Ты убил человека ради разрушения его же иллюзий. Ты — убийца, Роланд»

«Но... но... Но она сама призналась, что одержима!»

«Она так считала».

«Она призналась, что летала на шабаш! Не это ли признак того, что она ведьма!»

«Она никуда не летала, Роланд. Люди не могут летать. А Бога и Дьявола нет, чтобы помочь им в этом».

«Но она сама сказала это».

«Ведьмы с давних пор обмазывались галлюциногенными мазями, которые вызывали такие видения».

«Какими мазями?» — я впервые слышал это название.

«Галлюциногенными, — спокойно проговорила женщина. — Они вызывают галлюцинации, видения. Ведьмы не летают на шабаш. Они это придумывают».

«Но... Она сама рассказывала, как совокуплялась с приспешниками Нечистого!»

«Это всё видения, Роланд».

«Но... А как же трактаты многочисленных Служителей церкви! Они не мажутся никакими ведьмовскими мазями, но тоже описывают ведьмовские шабаш!»

«Фантазии священников, вынужденных годами усмирять плоть. Не больше».

«Но...».

«Это всё иллюзии, Роланд. Вся твоя вера — одна большая иллюзия. Когда-нибудь в будущем люди поймут, что Бог — это одна большая иллюзия. Они перестанут верить в Бога, они станут верить в себя».

«Ты — Нечистый! Ты искушаешь меня!»

«Зачем эти глупости, Роланд. Ты сам знаешь, что это неправда».

Она ушла, так же, как и появилась. На следующий день я исповедался, но страх не покидал меня. Я чувствовал, что она всё ещё здесь, со мной. Что она постоянно со мной. Уже тогда я стал понимать, что моя жизнь окончена.

Ночами она являлась мне во снах, днём ходила за мной, сливаясь с моей тенью. Ночами она говорила. Она всё говорила, говорила. У неё была внешность святой, большие-большие глаза, бледное, аскетичное лицо, маленький аккуратный рот. На плечи падали густые белокурые волосы. В её голубых, невинных глаза отражалось Царство Небесное, её устами говорил Ад. Она говорила то, о чём утром я боялся даже думать.

Но постепенно её слова нашли щель в белоснежном мраморе моей души. Они вгрызались в неё, расширяли. Я стал сомневаться, а так ли неразумно то, что она говорит?

Я перестал исповедоваться, как делал это каждое утро, чтобы смыть с себя грязь её слов. Я стал верить. Церемонии, Церковь, Бог: всё то, что годами укрепляло мою душу, казалось теперь таким бранным, ненастоящим, иллюзорным. Я не мог смотреть на лик Божий в церкви. Я больше не испытывал благоговения, трепета, душевного подъёма. Я смотрел на лик Мадонны, а видел её лицо. Я стал нервным, мнительным. Я не знал, сколько ещё я смогу выдержать это. А это продолжалось и продолжалось. Вновь и вновь... До нового суда.

Я не смог осудить ведьму, еретичку, отступницу. Я смотрел в её глаза и не видел всего этого. Я видел только человека, заблудившегося в собственных иллюзиях. Я не смог...

...Меня судили. Заседание было закрытым. А я стоял и готов был смеяться им в лицо. Моя душа больше не была белоснежной мраморной поверхностью. Она стало грудой развалин. Она превратилась в песок.

Песку было всё равно.

А я стоял и говорил. Говорил о том, что Бога нет, что нет Дьявола, что нет святых. Я говорил, что чудес не бывает. Но они смотрели на меня как на отступника.

И тут я увидел. Она тоже была здесь. Она сидела на одном из стульев. Но остальные не видели её. Её видел только я.

Проклятый...

...Я стоял, привязанный к столбу. Инквизиция сжалилась. Меня решили сжечь быстро. Не стали применять медленный костёр. Я усмехнулся.

Паренёк, совсем ещё мальчишка, подошёл и зажгёт хворост. Пламя взвилось. Оно первыми прикосновениями, больше похожими на трепет крыльев мотылька, прошлось по моей коже. А затем наступила боль. Но я почти не замечал её. Я смотрел на неё. А она... Она неожиданно улыбнулась. В её улыбке было столько, что я сразу понял всё. Иллюзии упали, освободив место только опустошённости. Было уже всё равно. Всё равно, что я понял, как обманывался. Как обманывало меня моё проклятье. Я уже не смог бы жить с этим. Ведь белоснежный мрамор моей души превратился в песок.

В какой-то один отчаянный момент я подумал, что если я сейчас закричу, скажу, что осознал ошибки, я смогу жить. Как раньше.

Я закричал. Но порыв ветра унёс мой крик. Огонь полоснул справа, оставив от половины меня лишь кусок обгоревшего мяса.

«Медленный огонь, — я усмехнулся полуобгоревшими, свисавшими ключьями губами, которые уже не скрывали ровные белые зубы. — Вот он и медленный огонь».

Иногда такое случалось. Если ветер дул с какой-то одной стороны, то осуждённый обгорал именно с этой стороны. Агония затягивалась. Половина человека уже была сожжена, другая медленно варилась на костре.

Я выпнулся вдоль столба от невыносимой дьявольской боли.

Понимание пришло ко мне слишком поздно. Зато я понял. Я понял, в чём было моё проклятие.

Я потерял самое дорогое для меня, то, что вело меня на протяжении всей жизни, то, что укрепляло меня в моих помыслах, то, что полировало вечно белый мрамор моей души.

Я потерял веру.

Сильмарилы

Лёжа в кровати, она смотрела в ослепительно белый больничный потолок, и ей казалось, что это Гил-Эстель, Звезда Надежды, Сильмарил освещает её лицо, слепит глаза, заглядывает в душу, пытаясь выведать последние секреты, ломая душу и тело Клятвой. Капельница сковывала руки, как оковы Мелькора.

Оковы Моргота, Врага Мира, Врага... Укравшего Сильмарилы!!! За одно это он не был достоин смерти. Он был достоин лишь очень медленной смерти. Вечной. Она искренне надеялась, что там, за гранью мира, эта змея мучается от боли. Так же, как мучились поколения феанорингов до неё. Как мучился Финвэ, когда он украл у него Мириэль. Так же, как мучился Феанор, когда Моргот украл у него Финвэ... и Сильмарилы!!! Так же, как мучились сыновья Феанора, феаноринги. Страдали за Клятву! За Сильмарил!!!

Будь проклята его корона! Будь проклята голова, носившая её! Пусть будут прокляты руки, которые посмели коснуться Дивных Камней!

Да куда там Моргот! Он начал. Но ведь не он один покушался на Сокровище, которого могут коснуться лишь руки нолдо. Лишь руки истинного феаноринга.

Будь проклят Тингол, который возжелал камня и продал за него дочь! Будь проклят Берен, который достал Сильмарил из короны врага!

Пусть будет проклята Идриль, что носила его на челе! И будь проклят Эарендил, что похитил его у нас, как вор, как не престало эдар! Будь проклят, вор, вернувший Сильмарил в Валинор!!!

Но вина их ничего не значит перед главным!

Пусть будут прокляты Валар, пусть не будет покоя им в Арде, пусть земля Арды не держит их, пусть вода обжигает их, пусть воздух сжигает им лёгкие, но самые адские муки пусть причиняет им огонь. Отраженье того огня, что горит в душе любого феаноринга! Пусть сжигает их отражения пламени, сжигающего души всех поколений феанорингов, отражение Клятвы!

И стократ пусть будет проклят Эру, создавший их! Пусть будет проклят Творец, который замыслил всё это! Пусть разверзнется под ним Эа, если Илуватар не ведаёт, какую боль причиняет своим созданиям или, хуже, видит, но остаётся к ней равнодушен!

Проклят пусть будет Эру!!!

Она дёрнулась в конвульсиях, и бинты, которыми её привязали к койке, натянулись и затрепали.

Где мой меч?! Где мой щит!? Где мой стяг!? Где звезда Феанора, что грела моё сердце!!!?

Она выгнула спину, сбивая простыни в бессильной попытке вырваться.

Где вы? Братья, сёстры! Феаноринги! Где вы! Я пойду за вами! За тобой, Феанаро! Где они — чертоги Мандоса! Где они Валар!! Бессмертные!!! А ну его к Морготу, это бессмертие! Огонь клятвы — вот что имеет значение! И даже бессмертие не спасёт их! Как был сравнён с землёй Дориат, покусившийся на Сильмарилы! Как был стёрт с карт, на которых никогда не был отмечен, Гондолин! Как был уничтожен Ангабанд!! Как был затоптан Враг,

Моргот, который сейчас корчится в муках за гранью Мира! И так пусть будет с каждым!!!

Где вы? Братья, сёстры! Феаноринги!!! Куда вы ушли!!! Как вы могли! Отказаться от клятвы и уйти в Валинор, оставив Клятву на плечах умерших!!!

Нам же тяжело... Мы же не сможем...

Она последний раз конвульсивно дёрнулась и затихла.

На месте сердца, которое грела Клятва, холодила льдом пугающая пустота. Она попыталась вдохнуть, но воздух застрял в лёгких, заставив закашляться, а сердце отказывалось биться. Одно мгновение растянулось на целую жизнь, пока непослушные губы не прошептали.

Феанаро... Клятва... сломила.. сил... больше... нет... прости... иду... за тобой... к тебе...

Когда в её палату заглянул с обходом врач, то она была уже давно мертва. Только смятые простыни, искусанные губы говорили о происходящей здесь борьбе.

На лице же застыло отрешённое выражение, глаза были широко раскрыты и остекленевшими зрачками смотрели в пустоту.

Клятва Феанора даже через тысячи лет, через времена, миры и расстояния продолжала терзать существ, не связанных с феанорингами даже кровью.

ЯД ЛЮБВИ

*Пуст холодильник и грязь на столе,
Иду по асфальту, не по земле,
Иду и дышу пылью...
Стоя на белой раме окна,
Я раскрываю крылья одна,
Я раскрываю крылья...
ХадЭлдер*

Подоконник был холодным, грязным и облупленным. На нём одиноко пылился засохший цветок. Комната пребывала не в лучшем состоянии.

Но это уже не имело особого значения.

Ведь небо за окном было чистым, бездонным. Оно притягивало, манило... Оно звало...

Солнце слепило глаза, мешало сосредоточиться... на чём?

О чём-то она хотела подумать... только сейчас она начинала понимать, как это странно, когда понимаешь, что думать-то осталось последние минуты. Ведь потом-то уже не будет такой возможности. Тяжело думать, когда твой мозг растекается по раскалённой поверхности асфальта...

А думать хотелось. Ведь о стольком хотелось думать, она судорожно боялась забыть о чём-то, ведь уже не вспомнить... никогда...

Её железная уверенность поколебалась слегка... а может?.. не стоит?..

«Стоит, стоит...», — нащёптывала фотография на заваленном книгами столе...

— Но это ведь так хорошо — ЖИТЬ!!! — закричала она.

«С чего ты это взяла?», — спросил подоконник.

— Жизнь — пре-кра-сна!

«Да? — хмыкнул подоконник. — И что ты видишь в ней прекрасного?»

— Ну... это же... ЭТО ЖЕ ЖИЗНЬ!

«И? Оглянись вокруг. И что ты видишь? Есть ли ради чего жить?»

Она оглянулась на комнату, вывернувшись на подоконнике.

Душный спёртый воздух комнаты накатился на неё волной. Голова закружилась, и она, не удержавшись, схватилась руками за раму, заскользив босыми ступнями по пыльной поверхности подоконника. Пыль щекотала пальцы.

«Ну?» — равнодушно переспросил подоконник.

— Есть! Конечно, есть! Жизнь! Природа! Цветы! Деревья!..

Её прервал насмешливый хриплый смех высохшего цветка.

«Да? Посмотри вниз! И это ты называешь природой? Моя смерть на твоей совести, а ты говоришь, что готова ради нас жить!»

Она растеряно села на подоконнике.

— Тогда... — её голос дрожал. Глаза нервно бегали по комнате, стараясь зацепиться хоть за что-то. Взгляд выхватил валявшийся на полу стальной турнирный полуторник. — тогда ради... Ради боя. Да! Ради боя! Ради победы или поражения! Ради песни клинка!..

Цветок поперхнулся и сдавлено засмеялся, видимо, пытаясь скрыть рвущийся наружу хохот.

Подоконник скептически хмыкнул.

«Ага. А ещё ради крови, разорванного мяса, смерти и разрушения, да? Не ты ли отправила в больницу лучшего друга? И теперь говоришь, что готова жить ради боя?»

— Но есть же что-то? Что-то обязательно должно быть...

«НЕТ!»

Она так и не поняла, кто это сказал. Взгляд выловил из тумана очертания фото на столе. Феанаро...

— Ради него...

«Ну-ну, — подоконник был полон иронии. — А ты-то ему нужна? А? Сама же лучше меня знаешь, что нет. И он тебе, между прочим, совсем недавно это объяснил, причём в весьма недвусмысленных выражениях. Тебе что, ещё что-то нужно? А?»

При воспоминании об этом разговоре, она побледнела. Какой позор!

Её руки судорожно зарылись в волосы.

«Да ладно, — сжалился подоконник. — Не бойся ты так. Это же не больно. Ты даже не почувствуешь удар о землю. Сердце не выдержит раньше, — он ещё несколько мгновений подумал. — Ну, хочешь, снотворное там выпей, или ещё чего-нибудь. Или успокоительного».

Только она уже повернулась и бесстрашно смотрела в окно. В каком-то ступоре она поднялась, с неестественно прямой спиной встала в проёме окна, на самом краю, на цыпочки, готовясь принять решение. Неожиданно, встретившись глазами с небом, она беззаботно засмеялась.

Ветер безжалостно трепал подол длинного белого платья.

— А знаешь, подоконник, жить-то стоит. Вот ради этого самого неба, ради этих мгновений. Ради способности думать. И ради неба. Да. Ради неба!

Она счастливо улыбнулась, только в этот момент нога соскользнула с края подоконника. Она беспомощно попыталась схватиться за раму, но руки напоролась на стекло, разбили его в бессильной попытке схватиться. Одно мгновение растянулось на целую вечность. Боли она не почувствовала. Уже на пути к земле закровоточило множество ранок на руках, брызнула кровь, отмечая её путь сквозь воздух миллиардом искрящихся на солнце капелек.

Она упала на залитый солнцем асфальт, зловещий хруст ломающегося позвоночника раскрыл установившуюся вдруг тишину.

«Агал подоконник, — как-то вяло подумала она, — агал... Ведь больно-то... как больно...»

И тут в глазах потемнело, и перед собой она увидела безграничное звёздное небо. Оно сомкнулось над ней, прикрыв обнажённую, израненную душу.

Люди... вечные странники... путь....

Баллада об убийце и деве

Луны неверный свет
По лезвию клинка скользит,
Играет в водопаде
Неверных бликов.
Средь деревьев
Я видел тень,
Не тень — виденье,
Скользит в прозрачной тишине
И застывает на мгновенье
Под сенью дуба.
Я невидим,
Я знаю, что не хрустнет ветвь,
Под чуткой хищника стопою.
Я вырос так, что тишина
Мне домом стала,
И одна
Она меня вскормить смогла
В холодном замке.
Я — убийца,
Я для убийства был рождён.
А солнце станет мне могилой,
Сияющей рукой, что мне
Грозит той смертью, что не в силах,
Я знаю, вынести я буду.
А тень скользит под сенью леса,
Мерцает призрачным огнём,
Фигура в лунный свет одета,
И лёгкой музыкой звучит
Шагов убийственная точность.
Она похожа на клинок,
Что под луной сверкает белой.
В её глазах я видел боль,
Я видел страх под этой кожей.
Прозрачный, призрачный,
Но всё же.
Я никогда не знал, что так,
Возможно, больно танцевать.
Она скользила по траве,
Ресниц прозрачных трепетанье
Отозвалось во мне желаньем
Мгновенно спрятаться от глаз,
Холодных, серых и прозрачных,
Чужих, неверных и не знавших,
Что есть на свете этом счастье.

Боль притаилась в глубине
Двух лун на призрачном лице.
И складки горькие у губ...
А тело изгибалось в танце,
Как будто тысячи ножей
Её терзали в этот миг.
Я вышел из тени дерев.
Я знал, что вечные инстинкты,
Что жизнь спасали мне не раз,
Меня сегодня провели
И на поляну завели
Из-под покрова безопасной,
Сестрою ставшей тени мне,
Меня на свет они прогнали.
На зыбкий, лунный и неверный,
Но всё же свет, и всё равно
Свечи огарок иль светило
Моё лицо вдруг осветило
И плащ мой вырвало из тьмы.
Фигура стала, замерла,
Ещё немного постояла
И повернулась, чтоб уйти.
«Постой!» — я крикнул в ночь.
Остановилась дева, и на миг
Перекрестились наши взгляды,
И с ней я встретился глазами.
Не знал я в жизни, что бывает
В одних глазах — и столько боли.
Мне на секунду показалось,
Что я один, вокруг зима,
Холодное дыханье чьё-то
Мне кожу обожгло, я падал
В холодный омут этих глаз.
И я отвёл глаза трусливо,
Но прокричал: «Постой! Скажи!
Кто ты? Я знаю, что теперь
Всегда, везде тебя узнаю,
И даже там тебя увижу,
Где мне и видеть не дано.
Но скоро ль встретимся мы снова?
Я буду ждать тебя, но всё же!
Скажи мне, как тебя зовут!
Хочу я слышать звуки, имя,
Что нарекают сущность той,
Что моё сердце покорила!»

Она молчала и стояла
По голень в призрачной траве,
А та как будто расступалась
Пред фигурой в тишине.
«Я вижу, ты не знаешь страха,
Раз говорить со мной посмел.
Но я ответить не могу.
Ты сам поймёшь всё и узнаешь.
Я вижу — встретимся мы вновь.
Не через десять лет, не двадцать,
А раньше будет эта встреча.
И ты тогда узнаешь, кто я.
Ну, а пока пусти меня.
И я вернусь, я обещаю.
Я обещанья выполняю...»
Немало лет прошло с тех пор,
Немало битв прошло по свету,
Но девы не было и нету.
Я стал её уж забывать.
Я сердце от неё закрыл.
Но и во мне жила надежда,
Что я её ещё увижу.
На поле битвы я стоял,
Мой меч в крови, глаза пылают.
А мне казалось, что увидел
Её вдали я, средь войны.
Она прозрачной и бесплотной
Прошла по снегу и крови.
И та секунда промедленья,
Когда смотрел я на неё,
И меч я отвести не смог.
И миллионы звёзд зажглись
В моём сознанье
Вспышкой боли.
Я опустился на колени,
Мне ноги снег припорошил,
А на меня смотрело небо,
И подошла ко мне она.
Она склонилась надо мною,
И тихий шёпот в тишине:
«Я же сказала, обещала,
Я обещанья выполняю...»
К моим губам прильнула Дева,
Но я не смог назвать развратом
Этот холодный поцелуй.

Я посмотрел в её глаза,
Я падал, мир тот покидая,
Я утонул в её глазах.
И понял, кто меня целует,
И сколь прекрасна та, что мы
Привыкли страшною считать.
Её раз в жизни можно встретить,
Но я встречал уже второй.
Но никому уж не скажу,
Что есть такая Дева в Белом.
В глаза мне заглянула Смерть...

Вспомнишь ли?..

О чём ты поёшь? Спой о весне!
Холодные руны на белой стене.
Всё-то ты понял, всё-то ты знаешь!
Только не вспомнишь и не растаешь!

Вспомнишь ли ветер, звенящий в листве?
Холодные руны на белой стене!
Вспомнив о прошлом, вспомнишь ли нас,
Чтобы огонь свечи не погас?

Вспомнишь ли стали, звенящей в ночи,
Острый привкус, пламя свечи?
Вспомнишь ли пламя, горящее в той,
Которую прежде равнял я с весной?

Вспомнишь ли ты выражение глаз,
Которые ныне закрыты для нас?
Вспомнишь ли ты волос её шёлк
Или отныне лишь верность и долг?

...Вспомнишь ли, ты волос её шёлк
Или отныне лишь верность и долг?

Вспомнишь ли ты, как она умерла?
Как звезда жизни навеки зашла?
Вспомнишь ли, солнце взошло над рекой,
Где обрела она вечный покой?

Вспомнишь ли ты, как её я любил?
Как часть своей жизни тебе уступил?
Тебя полюбила, за тобою пошла —
Зачем эту жертву она принесла?

Холодное пламя не греет меня —
Она умерла и любовь умерла.
А вспомнишь ли ты волос её шёлк?
Или отныне лишь верность и долг?

...А вспомнишь ли ты, волос её шёлк?..
...Да нет! Отныне — лишь верность и долг!..

* * *

Где ты, звезда моя?
Ночь облаками закрыло.
Снег окровавленный,
Тёмные камни могилы.

Одинокая лютня в снегу,
Она плачет, звенит под дождём,
Она так же, как я, без конца
Тебя ждёт в полуночном лесу.

Я дотронусь до струн этой лютни.
Её гриф к моим пальцам прильнёт.
Она помнит тебя, она плачет,
Она слёзы роняет на снег.

Давайте...

Давайте переплавим стрелы в струны,
Серебряным дождём пусть плачет ветер.
Давайте перепишем снова руны —
Давайте это будут руны света!

Давайте создадим свой мир без боли...
Но кто сказал, что это будет просто?
Давайте этот мир будет свободен!
Давайте обойдёмся без погостов!

Давайте серебром весенней ночи
Избавим мир от боли и страданий.
Да только мир тот вряд ли будет прочен —
Идеальность лишь частичка мирозданья.

Давайте перепишем наши письма,
Давайте нарисуем наши души.
Поверьте, это вряд ли будет лишним.
Поверьте, это будет даже лучше.

Давайте позабудем слово «войны»
И оботрём уставший меч от крови.
Звезда на небе пусть зажжётся словно
Символы надежды и спасенья.

Депрессия на почве толкинизма

Уходя по холодным ступеням,
Может, сможем добраться до рая.
Может быть, и про это не зная.
Мы плетём лишь венки из сирени.

Может, жизнь и не стоит той боли,
Что сжигает живых ещё смертных,
Заставляет забыть о бессмертье.
Может, правда и жить-то не стоит?

Может, это только сказанья
Воспевают величие чести,
А на самом-то деле на месте
Чести только фантом и преданья.

Может, это иллюзия только —
Мир без боли, насилия, крови?
Кровью след по белеющей соли.
Сколько разум хранить можно, сколько?

Может, слишком реально, чтоб выжить,
Этот мир сотворён, что мне снится?
Я ловлю — улетает, как птица.
Даже ветер замолк вдруг — не слышу!

Не могу даже чувствовать мира.
Перехватит дыхание лётной.
Красной кровью, повесткой от смерти.
Нам дана слишком страшная сила.

Разум слишком уж слаб, чтоб понять,
Что творим, слишком поздно порой понимая,
Что так близко стоим мы от края —
Пару лет, и тот мир — не отнять.

Пара песен не смоют разлуки.
Пара схваток заставят забыть.
Как же страшно всё-таки быть.
Лишь за воздух цепляются руки.

Меч холодной надеждой в руке.
Плащ нас скроет от мира и боли.
Может, только на миг и не боле.
Только боль потонула в строке.

Красная звезда

В небе красная звезда,
Догорает свет свечи.
То горит моя судьба.
Догорает и молчит.

Не увидимся мы вновь.
Это пламя нас сильней.
Догорает, и без слов.
Без замков и без дверей.

Как безумны стали мы.
Как неверен сердца стук.
Мы, прося своей судьбы,
Просим смерти, но без мук.

И когда откроет дверь
Беспощадная судьба,
Испугаешься, поверь.
Там горит твоя звезда.

Уходя вслед за звездой,
Оглянуться не забудь.
Может, мёртвый крик «постой!»
Сможет хоть тебя вернуть.

Мы кричали столько раз,
Мы срывали горло в кровь.
Но она сильнее нас
И сильнее, чем любовь.

В небе красная звезда,
На земле огонь свечей.
Там горит моя свеча,
Не скрывая звон мечей.

Не скрывая песни звук,
Не скрывая смерти шаг,
Не скрывая её рук,
Не скрывая её глаз.

Мы умрём, когда огонь
Догорит свечей в ночи.
Когда смолкнет шум погонь,
Когда скажут: «Помолчи».

В небе красная звезда,
Догорел огонь свечей.
Вот и всё, я умерла.
Вот и всё, нас больше нет.

Ложь

Много лет прошло, мы научились
Ловко ложь за правду выдавать,
Мы любимых научились предавать.
Как такое, не пойму, случилось?

Над осколками убитых нами клятв
Обронить слезу мы вряд ли сможем.
И, циничность ощущая кожей,
Мы цинично можем убивать.

Это страшно, кем-то преданным не быть.
Это значит — это ещё будет.
А за ложь уже нас не осудят.
Но за правду могут осудить.

* * *

Меня с собою Смерть зовёт.
У погребального костра
Сухую ветвь зажжёт она
И позовёт с собою в Ночь...

Меня зовёт с собой Луна
В последний путь за гранью неба,
Где страшно без тепла и света.
Прекрасный мир осколков льда...

Меня с собой Печаль зовёт.
Печаль, что сердце мне сдавила,
Печаль, что боль мне подарила,
Что дань свою со всех возьмёт.

Меня зовёт с собой Любовь
И лучших дней утраченное счастье,
И в горький цвет окрашено ненастье,
Когда бурлит по жилам кровь.

Меня с собою Смерть зовёт.
У погребального костра
Сухую ветвь зажжёт она
И позовёт с собою в Ночь...

Мечи по струнам

Только ночь...
Только светит луна...
Только горечь...
Не добытых побед...
Только сны...
Только призраки бед...
Только мы...
Только чёрная мгла...

Только тьма...
Только лютня в тиши...
И струна
Серебром зазвенит...
Только раз...
Только раз отзвучит...
Только раз,
И растает в ночи...

Мечи по струнам, струны по мечам!
А мы уйдём, пройдя по чьим-то снам,
А мы уйдём, и нам уже не спеть,
А мы уйдём, за нами только смерть.

Только сны...
И затухший костёр...
Только мы...
Ожиданье рассвета
В ночи...
Не дожить до заката,
Уйти...
Не дожить, не допеть...

Мечи по струнам, струны по мечам!
А мы уйдём, пройдя по чьим-то снам,
А мы уйдём, а впереди огонь,
А мы уйдёт, но выдержим ли боль?

Только так...
Только эта луна...
Это знак:
Мы уйдём навсегда...

Только жить...
И остаться в ночи...
Только быть...
Только ветром почить...

Только так...
Только ветром в ночи...
Только знак...
Это правда, пойми!
Только стон:
«Не остаться, уйти...»
Только сон...
Только ветер в тиши...

Мечи по струнам, струны по мечам!
А мы уйдём, пройдя по чьим-то снам,
А мы уйдёт, и это только смерть,
А мы уйдём, и только ветру петь...

* * *

Мы радость полёта вкушали издревле,
В ушах рассекаемый воздух свистел,
Ты, чадо земли сей, словам моим внемли,
Народ мой от вас слишком много терпел.

Жестоки вы, земные чада,
Вам радости полёта не узнать,
Вы жаждете земного блага,
А детям неба суждено летать.

Не возжелали мы богатства,
Не создаём себе держав,
Где может править лишь диктатор,
И лишь карать, но не прощать.

Вы беспощадно резали нам крылья,
Вы вырывали нам сердца,
Вы не могли смотреть и видеть,
Что ваше счастье не для нас.

Вы не могли смотреть и видеть,
Что мы летаем, а вы нет.
Вы лишь могли кромсать и резать
Останки наших бранных тел.

Познать полёт стремились вы
И убивали ради счастья,
Но наше счастье без крови,
А наше счастье ради счастья.

Но кто-то рано или поздно,
Жестокость мира не признав,
Легко, свободно, хладнокровно
Он будет падать из окна.

* * *

О, руки давно не скользили по грифу гитары,
О, струны, давно не ласкали вы пальцев моих.
А люди своими руками судьбу вышивали,
Плели эти нити, как сотни таких же до них.

Когда в вышине умирали все звуки, лишь нота
Ещё продолжала звенеть в раскалённом мозгу.
Когда на таких же, как ты, продолжалась охота,
Когда тебе резали душу, гитаре — струну.

Посвящается Таши...

1

Тревожно пиликает скрипка в кармане,
И образ ожившей любви пред глазами.
Все звёзды в небе затмевая,
Глаза зелёные сверкают.

Болезнь sneдает изнутри,
Но ты её не замечаешь,
Ко мне в глаза посмотришь ты
И многое о нас узнаешь.

Рукой коснёшься невзначай,
Короткий взгляд нечаянно бросишь,
Придёшь опять ко мне «на чай»,
Придёшь и ничего не спросишь.

В мои глаза посмотришь ты,
Глаза в глаза смотреть мы будем.
Я позабуду, кем я был,
Кто есть, кем стал и кем я буду.

2

Прекрасен вечер, звёзды в небе,
И в целом мире нету никого.
Лишь он, она да ветер в чистом поле,
Да солнце, что ещё не рассвело.

Да пара песен для души и скрипки,
Да пара нот для серебрястых струн,
Да пара слов, не выразивших мысли,
Да пара стрел и полустёртых рун.

Да пара снов, которых мы не вспомним.
Да пара слов, которых не сказать,
Да пара лет, которых не запомним,
Да пара лет, которых не отнять.

Да пара карт, которых не забудешь,
Да пара роз, которых не сорвать,
Да пара снов, которых не откроешь.
Да нити, что уже нам не порвать.

Рука к руке

Рука к руке — я вижу небо
В холодной стали облаков.
Ты, может, был, а может, не был,
Но мне уже не снять оков.

Буду тенью за спиною —
Ты прости меня за веру.
Не боюсь я быть с тобою,
Я боюсь остаться тенью.

Я боюсь и ненавижу
Чувство, что в груди теснится.
Я свободы не увижу —
Подрубили крылья птице.

Серебром лесных объятий
Я себя укрою вскоре —
Отпусти меня, приятель,
Птица тоже хочет воли!

На краю, в больном сознание
Я легко найду твой образ,
Только это слишком мало —
Я одна, и ты уходишь.

Я в блестящей бритве вижу
Отражение свободы.
Как легко же быть убитой,
Даже собственной рукою!?

Рука к руке — я вижу небо
В холодной стали облаков.
Ты, может, был, а может, не был,
Но мне уже не снять оков.

С волосами серыми девочка

Перерезаны струны у лютни.
Только корчась на белом полу,
С волосами серыми девочка
Тихо плачет в углу.

На белом холодном мраморе
Яркая алая кровь.
Девочка в чёрном саване.
Изогнута чёрная бровь...

Не играть твоим пальцам на лютне,
Не звучать твоей песне в ночи.
С волосами серыми девочка,
Почему твои дни коротки?

Почему дни несутся, как ласточки?
Почему не вернуть тех времён?
Бегать в лес мы могли безнаказанно.
И до двух пропадать под луной.

Странник

Ему ночная тьма не страшна,
Пока на небе есть луна,
Пока все звёзды не погасли,
Пока есть время до утра.

Из ночи в ночь, от дома к дому
Идёт он, странник вечных грёз,
И нет при нём чего такого,
Что он воспринял бы всерьёз.

Идёт от дома к дому вечно
И дарит всем частичку грёз,
Частичку счастья и надежды,
Себя частичку самого.

Там далеко горит моя звезда

Гимн сезона

Серебряным ветром
Канули в Лету
Эльфийские травы — утерян их след.
Мы верим безбожно,
Что, может, возможно,
И мы в Средиземье отыщем ответ.

Пути непохожи,
Мы вовсе несхожи,
Да только у троп всех единый конец.
Мы элдар по крови,
Нам чуждо покоя
Застывшее чувство за морем седым.

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Авари гордый,
Народ непокорный —
Они Валинора не ведали свет.
Не влѣк Тирион их,
Подножия тронов.
Их не прельщали сквозь сумрака след.

Но где же следы их,
Полян позабытых,
Где же дворцов их невиданный свет:
Они в Валиноре,
Пусть рушатся троны
И ветер столетий заносит их след...

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Отступники нолдо
Отправились гордо
Во мрак Средиземья войной на врага.

Древние силы,
Хранят Сильмарилы,
И стяг Феанора украсит звезда.

Фанатики мести,
Пленники чести,
На что променяли Камней дивных Свет?
Они в Валиноре,
Забыты короны,
И Клятва лишь эхо — утерян их след...

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Гномы подгорные,
Скалам покорные,
Во мраке ночей среди сводов резных
Мифрил добывали,
Гранили кристаллы,
И не было в мире искуснее их.

Но где же вы, гномы?
Лишь мёртвые горы
Хранят имена, а вас больше нет.
Забыты короны,
Звезда Феанора
Угасла, навеки утерян ваш след.

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Лишь невысоклики,
Как солнца блики,
Не ведали тягот, лишений, тревог.
Война всё меняет,
И хоббиты знают,
Что ныне в войне пришёл их черёд.

Война отступает,
Но хоббиты знают,
Что только в Блаженном краю смерти нет.

Одни в Валиноре,
Другие в просторе
Лесов позабыты — утерян их след.

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Создания Эру,
Пришедшие Следом,
Их в Средиземье звали людьми.
Дар или Проклятье?
Да только заклатьем
Дорога к Аману закрыта для них.

Посланники Солнца,
Гордые горцы —
Вы бы уплыли, если б смогли.
Но Смерть ваша доля,
И поневоле
Вы Средиземью остались верны.

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Серебряным ветром,
Канули в Лету
Эльфийские травы — утерян их след...
Но мы же вернёмся?!
Поверь мне — вернёмся!
Нам Сильмарил Гил-Эстель дарит свет!

Но там далеко горит моя звезда,
Скрываясь за границей небосвода.
О, дай мне верить, что приду туда,
Что я найду туда свою дорогу.

Тень

Солнце...
Светило для нас.
Ветер...
Он трепал твои волосы,
Он разведал твоё платье.
И на солнце чёрные полосы
Возвещали конец.
Твои глаза — серые звёзды.
Твои руки — крылья птицы лесной.
Твои ноги не оставят следов
От прогулки по лесу весной.
Твои волосы — сиянье луны.
Твои слёзы — морская вода.
Дитя серой лесной тени.
Ты танцевала под звёздами.
Ты танцевала весной.
Звон ручья был твоей скрипкой,
Песня птиц была твоей флейтой
На светлой поляне лесной...
Твоя песня звучала в ночи,
Летела к небу серой стрелой
И зависала вдали,
Звеня одинокой струной.
Но серебристую паутину сна
Я разорвал, я вступил на поляну.
И ты встала, ты снова одна.
Ты ушла, и ты скрылась с тенями.
Я кричал, но я знал: это — реальность,
Целовал траву, что твои ноги касались.
И я пел, и я пел песню боли
О той, что скрылась с тенями,
О той, что ушла до рассвета,
Что забрала моё сердце.
Тень...

Ты ушёл...

Ты ушёл в никуда, никогда.
И оставил лишь пыль у порога,
Два холодных, замёрзших следа,
Недопитую чашу с вином.

Может, встретимся мы далеко,
И озёрные воды взметнутся.
И мне станет темно оттого,
Что, уйдя, ты не можешь вернуться.

Две помятые розы в кармане,
Две забытые книги в саду,
Две разбитых мечты, и гитара,
И замёрзшие струны во льду.

Уходящим во тьму

Мы уйдём до рассвета, и тёмная мгла
Скроет наши следы в очертаниях снов,
Подводя этой жизни последний итог
И скрывая за звёздною дымкой слова.

«Мы уйдём навсегда, мы уйдём навсегда!..» —
Прокричу, открывая наш путь в небеса.
Шелестят, как осенние листья, слова,
Как хрусталь, на щеке застывает слеза.

Наша песня забыта, и пробил наш час.
Я ударил по струнам в последний тот раз,
Когда лютня рыдала, предвидя отказ,
Когда разум мне отдал последний приказ.

Когда сердце разбилось об острые скалы,
Про них мы не зная, себе их сковали.
Но в последнюю осень не об этом мечтали,
Не эти мечты от других мы скрывали.

Мы ушли навсегда, мы ушли навсегда!
Мы сказали последние наши слова.
Как вода по стеклу, наша песня проста,
Уходящим во тьму она ранит сердца.

Чёрных крыльев плащ

Чёрных крыльев плащ,
Нас укроет ночь.
Только нет, не плачь,
Предсказаний дочь.

Только нет, не плачь,
Не туши огня,
Нас укроет ночь,
Только без тебя.

Ты не примешь ночь,
Ты уйдёшь в огонь.
Только никому
Не поможет боль.

Потому что тьма
Разлилась в ночи.
Потому что снам
Не сказать: «Молчи!»

Чёрных крыльев плащ —
Это только дым,
Только нет, не плачь,
Не вернуться им.

Не вернуть всех тех,
Кого примет ночь.
Ты не слышишь смех,
Предсказаний дочь?

Так смеётся смерть
Над огнём в ночи.
Это страшно петь,
Ну же, не молчи!

Чёрных крыльев плащ
Нас укроет ночь
Только нет, не плачь
Предсказаний дочь.

Это свято для них, это — клятва...

Догорает сердце заката.
Лишь за лесом звенят мечи.
И он скажет тебе: «Молчи!
Это свято для них, это — клятва...»

Они знают Боль, они знают Смерть,
Они знают: этот бой — последний.
Для кого-то, кто не откроет глаз,
Кому поздно кричать: «Нет!»

Кому поздно кричать: «Живи!»
Кого Смерть забрала с собой.
Далеко от земной Любви.
Далеко от земного Заката.

Кого-то из тех, кто знал лучше всех,
Что страшно жить, что умирать не страшно.
И он скажет тебе: «Молчи!
Это свято для них, это — клятва...»

Bianca

Калейдоскоп

Ночь. Комнатка на втором этаже небольшого домика. Бледный лунный свет, иногда перекрываемый лёгкими тенями облаков, отражаясь от заиндевевшей земли, проникает сквозь тонкие занавески. Где-то внизу часы обозначают полночь. Я не сплю. Я слушаю ночь. Потрескивают стены... Ветер мечется за окном. В конюшне беспокойно всхрапнул конь. Где-то далеко пролаяла собака... Тишина. Только твоё дыхание. Ты спишь. А может быть нет. Может, ты просто лежишь и, так же как и я, слушаешь ночь...

Волны с тихим рокотом накатывали на берег и вновь отступали, шелестя по прибрежной гальке. Звук прибоя манил, притягивал, звал. Волны бросались на берег и снова отступали. А-ах!.. Х-ха-анн... Взлетали пенные брызги. Разбивались о камни на сотни мелких капель. А-ах! И снова собирались вместе и волной откатывались, перебирая между пальцами мелкие камушки и осколки стёкол. Х-ха-анн... Волны неслышно подбирались к берегу и внезапно со всей мощью обрушивались на него. А-ах! И снова отступали, получив каменный отпор. Х-ха-анн... Я не сразу поняла, что волны повторяют одно и то же слово. Имя. Моё имя.

Я шла по тёмной улице. Кое-где горели одинокие фонари. Шёл тихий снег. Мне на губы падали мягкие снежинки. Они ласково касались моего лица и тут же таяли. Это тётушка Зима пришла. Это она, радуясь встрече, целует меня. Это она стелет под ноги белый пушистый ковёр. Она укутывает плечи мягкой белой шалью. А я всё иду и иду, стараясь не спугнуть сказку первого снегопада.

Я люблю предрассветные сумерки. Тихую, спокойную пору. Когда не надо никуда торопиться. Когда можно просто посидеть на кухне, поразмышлять за чашкой утреннего кофе. Когда за окнами мягкий полусвет.

Я люблю летние сумерки. Когда перед рассветом птицы начинают весёлый гвалт в ветвях деревьев. Когда город ещё спит. Через открытое окно проникает свежесть утра, но я знаю, что день будет тёплым и солнечным. Я люблю зимние стывшие сумерки. Когда за окном потрескивает от мороза земля, а в доме тепло и уютно. Когда можно открыть форточку и впустить в комнату немножко стужи вместе с запахом грядущего снегопада. Когда все уже разошлись кто в школу, кто на работу, а другие досматривают последние, самые сладкие сны.

Я люблю предрассветные сумерки. Это начало нового дня. Каким он будет? Что принесёт? Наверное, радость. Ведь утро такое хорошее.

Закатное солнце красило облака в медный с прозеленью цвет. Ветерчеканщик давал им причудливые формы. Дракон, парящий над землёй, развернув мощные крылья. Старинный замок, сквозь бойницы в его стенах вырываются последние солнечные лучи. Горы, по склонам которых сбегают золотистые реки. Лес, одетый осенним золотом. Краски густеют, и чеканка приобретает налёт времени. Медь темнеет. Дракон исчезает, взмахнув на прощанье крыльями. Башни разваливаются. Вершины гор теряются в подступающей тьме. А листья опадают и остаются лежать в садах и парках шелестящим пёстрым ковром.

Шаг... Шаг... Ещё шаг... Ломается под ногами тонкое серебро льда. Холодно. Пусто. На улице. В душе. Шаг... Ещё шаг. Сквозь чёрные тени деревьев. Сквозь яркие полосы лунного света. Сквозь пустоту и холод. Сквозь ночь. Шаг... Ещё шаг... Голубоватый свет луны отражается от мёрзлой земли, и всё вокруг кажется нереальным, призрачным. Шаг... Ещё шаг... Тени от ветвей деревьев тянутся, хватают за ноги. Воздух сворачивается прозрачными спиралями и ранит кожу. Нигде ни огонька, ни звука. Только стылый свет луны. Шаг... Ещё шаг... Туда, где никто не ждёт.

Тишина в комнате. Только потрескивают дрова. Огонь пляшет на поленьях, освещая большое чёрное кожаное кресло, стоящее перед камином. Пустое. Огонь отражается в бокале, наполненном тёмно-рубиновой жидкостью, отбрасывает красноватые блики. Иногда, разгораясь, огонь освещает дальние углы комнаты. Массивные камни стен, старинная кладка, узкие окна, больше похожие на бойницы, тяжёлая, обитая железными полосами дверь. Стены смыкаются где-то высоко, во мраке. За дверью в коридоре слышны шаркающие шаги. Мимо, мимо...

В неделю облетели деревья. Их серо-зелёная дымка сменилась чёрными силуэтами ветвей, так уныло смотрящимися на фоне низкого серого неба и так преобразующимися ночью, при свете луны. Её бледный лик то прячется за проплывающим облаком, то вновь освещает тонкое кружево ветвей, придавая им оттенок тайны, мистики. Чуть голубоватый свет серебрит деревья и заставляет их отбрасывать причудливые тени. Ветер качает кроны, заставляя тени двигаться. Они оживают, приобретают объём и, кажется, готовы расползтись, спрятаться в ещё более густых тенях домов. А полная луна продолжает смотреть свысока сквозь сплетённые ветви.

Осень. Опавшие листья шелестят под ногами. Солнце просвечивает сквозь поредевшую листву и отражается от земли жёлто-красными бликами. По-осеннему холодное небо глядится сквозь ветки в лужицы, оставшиеся после ночного дождя и чуть подёрнутые первым тонким льдом.

Шаг с крыльца — и на плечи ложатся тёплые ладони июльской ночи. Сквозь густую листву полусотлетних лип пробивается свет уличного фонаря, делая её изумрудно-прозрачной. Воздух наполнен запахами цветов. Маленькие улочки старого района манят в свой лабиринт. Город спит. Только летучие мыши чертят воздух где-то высоко, да кузнечики не перестают трещать в кустах. Улеглись пыль и грохот, поднятые за день машинами. Город отдыхает от дневного зноя и спешки. Город видит сны.

Bacmem

* * *

ОДИНОКАЯ
ЗЕМЛЯ
...ПОКОЙ
...ТИШИНА
Ключи от сердца
...не ищи
Спешит жить планета
...не спеши
Остановится время
...разбиты часы
Ты слышишь?
Эти звуки обречены:
...тик-так... тик-так...
Забыть?
Бежать
...в пустоте
...в темноте
Ты слышишь?
Это сердца стук
...тук... тут...
Стоп! Опять тупик.
Что я хотела этим
сказать?
Бежать,
Бежать
...в пустоте
...в темноте
Банально плыть
по течению судьбы?
КРИЧАТЬ,
КРИЧАТЬ,
...в пустоте
...в темноте
Всегда ищу на всё ответ?
Нет,
Нашла... тебя...
...в пустоте
...в темноте
Ты слышишь?
Это тишина.
Хоть что-нибудь скажи,
НЕ МОЛЧИ!

Убийство

Звёздное небо смотрит мне вслед,
Солнце оглянется,
Месяц появится,
Нежно кивая, уйдёт в небосвод.
Тяжкая ненависть,
Слёзы печальные
Смоют кровь с рук твоих,
Но в сердце останется,
Тайна скрывается,
Мучает душу,
И сердце болит.
Нежные сказочки в детстве объявятся,
Вспомнится всё,
Что любил, дорожил.
Светлым пятном в жизни проявятся:
Взгляды её,
Руки её.
Всё существо страдало,
Всё разрывало на куски,
Всё раскрывало,
Всё прощало,
Всё утонуло в её любви.
Она смотрела,
Она мерцала,
Звездой пришла,
Всё забрала,
Разрезав душу,
Что сердце сгнило.
Нет больше жизни,
Ведь она меня убила.
Я чёрный ангел мести и печали,
Взойду на трон
И призову тебя,
Ты видишь сны,
А в них меня.
Мои слова так жалят,
Что ты сойдёшь с ума.
Люблю тебя,
Но ты обречена,
И мне поможет в этом Сатана.
На веки вечные на муки осуждена.
Мучителем твоим останусь я.
Любовью одарю тебя.
Мы будем вместе навсегда,
И вечной будет страсть моя.

Бред

Ты слышишь зов,
Ты слышишь крик,
Ты хочешь жить?
Умри —
и ты узнаешь
жажду жизни,
И ты узнаешь
вкус
побед,
Укус
обид
и противоречий,
Ужас любви
и красоту небес,
Ты будешь жить,
окружённый мечтами,
Ты будешь жить
как во сне, —
Ангелам нет места во вселенной.
Жизнь сама
подскажет ответ.
Убей, уйди и жди
суда,
Да только в сердце
будет пустота.
Решётка — худшая судьба,
и не спасти
самоубийства.
Всё это бред
усталой сумасбродки.
Пусть будет так,
вот только лодка,
лодка,
везущая в небеса!..

* * *

Вдохновенье или жалость?
Всё в потоке суеты
 ...потерялось...
Красота или обман?
Убивает человеческий капкан.
Хлещёт кровь из раны века,
ждёшь чего-то...
уходит время...
Разбиваются мечты.
Хлипкая нитка
держала
жизнь.
Один неверный шаг
 ...пустота...
Раз, два, три...
Смерть, или сошёл с ума?

Зачем слова? —
когда всё сказано за нас...
В понимании жизни
Взрослеешь на вечность,
И сразу
становится легче.
Так проще многое понять.
Перед глазами
пролетает время:
и, как в кино, обернёшься, —
вернуть невозможно...
В мечтах летаешь,
теряя
мгновенья,
а сны
приносят забвенье:
в них нет места сомнению.
Теряешься в фантазиях
пройти по невиданным лесам,
страницы листаешь,
в книгу войти желая,
где та жёлто-красная дорога...
Она ведёт в мир,
невидимый многим,
картина, на которую
ты смотришь много лет.
Так как войти в неё? —
ответа нет...
И думаешь...
И думаешь —
сейчас сойдёшь с ума...
Как дальше жить,
Когда крылатой рождена?
Как жёстко посмеялись боги:
Ты
оказалась
на людском пороге,
среди банальности
и пустоты.
Сжигаешь в прошлое мосты.

Находишь новые пути.
бежишь...
бежишь...
врезаешься...
 ...тупик...
 ...разбиваешься...
Кровью раны омываешь,
и
продолжаешь
...ЖИТЬ...